Танцы на стеклах

Автор:
Алекс Мейер

Танцы на стеклах

Лана Мейер

Алекс Д

Восточные (не)сказки #1

История одержимости высокомерного сына арабского шейха Джареда Саадата и скромной американки Мелании Йонсен началась в стенах университета, а закончилась в восточной стране, на ковре из разбитых осколков ее сердца, где Мэл исполнила свой полный слез и агонии танец… танец на стёклах.

Джаред: «Она станет новым эксклюзивным бриллиантом в моей коллекции, требующим скрупулёзной огранки. Я с упоением отточу все грани ее боли, наслаждаясь своей властью. Никогда она не сможет быть прежней… после меня».

Мэл: «Я попала в восточную НЕ сказку. Где шёлковый поводок и драгоценная маска, закрывающая все моё лицо – реальность. И ОН будет делать со мной все, что захочет.»

[i]Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.[/i]

Алекс Д., Лана Мейер

Танцы на стёклах

Алекс Д.

Лана Мейер

* * *

«Каждый из нас носит в себе и ад, и небо.»

Оскар Уайльд. «Портрет Дориана Грея»

Пролог

Мелания

Паника.

Мне не хватает воздуха.

Вокруг тьма.

Давление в груди словно выбивает кислород из моих легких, и вот я уже жадно пытаюсь вдохнуть, но не могу. Каждая попытка заканчивается кашлем, беспомощно давлюсь кляпом, и мысленно прощаюсь с жизнью. Если похитители хотят денег, то я обречена… Боже, пусть конец не будет мучительным, я боюсь боли.

Слух разрезает монотонный звон и механический рев турбинного двигателя. Я мотаю головой, но по-прежнему ничего не вижу. Что-то скрывает мое лицо, я не могу скинуть это, и лишь отчаянно продолжаю дёргаться.

Я в самолете?

Теперь мне не просто страшно. Я в ужасе. Задыхаюсь еще сильнее, пытаясь побороть паническую атаку. Пот градом льется по спине, пока я пытаюсь освободится из оков. Я словно каменею, пальцы онемели; связанные за спиной запястья вспыхивают болью от каждого резкого движения. Сознание отказывается воспринимать действительность. Этого не может быть. Сон, страшный сон. Я все еще дома, в теплой постели, а не в самолете (теперь я уверена, что это самолет) в руках сумасшедших похитителей. Боже, да кому я нужна?

– Вытащи кляп, Амир, а то задохнется. Это тело нужно мне живым, – слышу знакомый до дрожи голос, и это становится последней, черт возьми, каплей. Нет, только не… – Пока ещё нужно.

Полной грудью вдыхаю тяжелый и спертый воздух. Кашляю, содрогаясь всем телом. Грудная клетка горит огнем от острой нехватки воздуха, голова идет кругом. Пытаясь оценить ущерб, начинаю осознавать, что происходящее не сон, а самая жуткая из возможных реальностей. Я должна была понять… Хватит, Мэл. Прекрати жалеть себя. Ты жива, и он не убьет тебя. Хотя… Черт побери, он может сделать так, что я буду просить его, чтобы убил. Я знаю, что он может.

По крайней мере, я не раздета. Хлопковая пижама прилипает к липкому телу. Смутно вспоминаю, как меня вытащили из кровати, не дав опомниться и до конца проснуться. Я не видела их лиц. Черт, я даже понять ничего не успела.

Когда тот, кого ОН назвал Амир вытаскивает изо рта кляп, я понимаю, почему ничего не видела и не могла дышать. Похититель вытащил кляп, но оставил мешок. Как в дешевом триллере. Идиотизм.

– Снимите с меня ЭТО! – кричу хрипло, во рту пересохло. Мой голос звучит глухо, неестественно и жутко. В очередной раз доказывая реальность происходящего.

Я сижу в самолете с мешком на голове.

Украдена из теплой постели, по прихоти этого ублюдка.

– Сними с меня ЭТО! – повторяю я по слогам.

– Ты действительно хочешь этого? – отвечает надменный снисходительный голос, пропитанный ласковыми, угрожающими нотками. Голос, от которого кровь в моих жилах стынет. Я не хочу реагировать на него. Все кончено.

– Да! Сними с меня эту вонючую гадость! – мой голос словно надламывается и звучит, как писк беззащитной мышки. Мне самой противно от своей трусости и слабости. Его мягкий и вкрадчивый смех возвещает о том, что подонка лишь смешат мои попытки сопротивления.

– Снимите, – короткий, точный, властный приказ, и с меня срывают мешок и повязку для глаз, в которой я уснула.

Я думала, что свет и зрение помогут справиться с удушьем, но как бы не так. Новая, более сильная волна паники вновь бросает меня в пот, и наши взгляды с подонком встречаются.

Я чувствую себя такой беззащитной под прицелом его глаз, в этой идиотской пижаме с мишками и гнездом спутанных волос на голове.

В то время, как ОН восседает на шикарном кожаном кресле кремового цвета и явно ощущает себя королем и хозяином положения.

Свет, бьющий в окно, подсвечивает его смуглую кожу.

Бронзовый блеск на точеных скулах. Выразительные и мужественные черты лица, дарующие ублюдку дьявольскую красоту, которую он не заслужил. Судорожно вспоминаю, как проводила губами по четкой линии его челюсти, и сама ужасаюсь подобной мысли. Я верила, что он человек, что ему, как и другим, свойственно раскаяние, не чужды совесть и нежность. Глупая… Мне хочется плакать, но он не дождется.

Двухдневная щетина и легкая ухмылка обрамляют его губы, и с едва стучащим от страха сердцем, я возвращаюсь к стальным глазам – не раз замечала, что они меняли цвет, и теперь были серебристого, мерцающего оттенка.

Выражение глаз – пустое, словно гладь зеркала, непостижимая бездна. Нечитаемое настолько, что кажется, если смотреть долго, я смогу увидеть свое

отражение. Свое отчаяние, незавидную судьбу. На дне черных, огромных зрачков таится темное удовлетворение и мой приговор. И жажда…

Жажда мести.

Дергаюсь, но это не имеет смысла. Хочу закричать, но не успеваю. Ублюдок подает голос:

– Не захотела по-хорошему, крошка, будет по-плохому. Будешь на цепи сидеть, и мои пальцы лизать. И не только пальцы, – цедит он, сквозь зубы, а потом кидает в меня прямоугольной плоской коробочкой из дорогого черного бархата. Я отшатываюсь, будто от удара. Он издевается? Что это? Подарок?

– Открой, – еще один короткий приказ, надменный, едва заметное движение головой кому-то за моей спиной. Высокий, смуглый, темноволосый мужчина с непроницаемым лицом возникает в поле моего зрения и медленно раскрывает передо мной футляр.

На дне лежит инкрустированная драгоценными камнями платиновая маска с поднятыми к вискам разрезами для глаз, закрывающая лицо до самой линии губ. Она могла бы показаться произведением искусства. Если бы я не знала, что это.

Подобные украшения шейхи дарят своим женам… и наложницам.

Несчастные женщины носят ее вместе с абайей в тридцатиградусную жару, не смея поднять голову…

И судя по предыдущей реплике ублюдка, он предлагает мне вовсе не брак. И он не предлагает. Это приказ.

Глава 1

Два года назад

Джаред

Откинувшись на спинку не самого удобного кожаного кресла, я с фальшиво-вежливым выражением лица изучаю обстановку кабинета президента Йельского университета, в ожидании оглашения причины моего присутствия здесь. Руки расслабленно лежат на подлокотниках, лениво изучаю недавно приобретенные часы в одном из бутиков на Манхеттене. Я заплатил за них столько же, сколько за два года обучения здесь. Красивая, редкая вещь, а красивые вещи стоят любых денег.

Президент молчит, пока я сверлю раздраженным взглядом его спину. Интересно, известно ли Генри Роджерсу, что за глаза его прозвали кроликом? И, действительно, сходство есть. Высокий, худощавый, неуклюжий, с зубами, выступающими вперед, и залысинами на висках. Неприятный тип, и даже дорогой костюм, болтающийся на нем, как на палке, не спасает от общего гнетущего впечатления.

– Ты, наверное, недоумеваешь, по какой причине тебя вызвали ко мне, а не к профильному ректору? – наконец, подал голос Роджерс, поворачиваясь ко мне и складывая руки за спиной. Его лицо полностью лишено эмоций. Я небрежно пожимаю плечами, ощущая тянущее напряжение в мышцах. Утренняя тренировка дает о себе знать. Напрягаю руку, сжимая кулак, с удовлетворением наблюдая за работой бицепса, трицепса и плечелучевой мышцы. Скоро состоится ежегодное соревнование по гребле на байдарках, и я просто обязан снова взять приз. Это уже традиция, а к традициям я отношусь серьезно, хотя порой и с легкой долей иронии.

– Да, сэр, я в недоумении. Вы правы, – вежливо отвечаю я, натягивая улыбку. В моей стране не принято проявлять свои истинные эмоции, даже если человек тебе неприятен.

– Скажите мне, мистер Саадат… – начинает президент, усаживаясь в свое огромное кресло, в котором выглядит еще более тщедушным.

– Просто Джаред, сэр. Имени будет достаточно, – улыбаюсь, как можно искренне. Даже мышцы лица начинают затекать. Переходи уже к делу, кретин.

– Хорошо, Джаред. Возможно, ты поможешь мне и начнешь сам?

И вот здесь я перестаю строить из себя пай-мальчика. Улыбка сползает с моего лица, я надменно вздёргиваю бровь, с раздражением глядя в непроницаемое лицо президента.

– Сэр, если поверенный моего отца не произвел ежемесячный благотворительный платеж на счет университета, то сегодня же это недоразумение будет исправлено.

– Не волнуйся, Джаред, все выплаты поступили вовремя. Университет очень благодарен вашей семье за щедрую помощь и участие в благотворительных мероприятиях. И, наверное, это единственная причина, почему мы с тобой разговариваем сейчас.

– Вы говорите загадками. Я не понимаю, о чем идет речь, президент.

– Тебе о чем-то говорит имя Сэм Ченси? – Роджерс выстреливает в меня острым взглядом, складывая ладони на столе, одну на другую. Я усмехаюсь, прищуривая глаза.

Если думаешь, что можешь испугать меня, выкуси. Хрен что ты мне сделаешь. До конца курса остались считанные недели. Я уже сдал все экзамены. Отрабатывай миллионы, которые вваливает в Йель моя семья, мистер Кролик.

– Не припомню, – вслух произношу я. Это заведомая ложь. Но врать с безупречной улыбкой на лице я умею, как никто другой. Этот урок я освоил первым после того, как моя мать сбежала от отца, бросив меня.

– А если хорошо подумать? – терпеливо спрашивает Роджерс. – Джаред, в твоих интересах сказать правду.

– Я не понимаю, о чем речь, – настаиваю упрямо, холодно глядя в бесцветные глаза Генри Роджерса. И вот, впервые за время моего тут пребывания, я вижу эмоцию на бледном морщинистом лице. Удивление. Неприятие.

– Ты думаешь, что все предусмотрел? Что все вокруг дураки, которые не видят того, что ты и твоя свита устроили в стенах Йеля? Ты не первый, кто думает, что может устанавливать здесь свои правила. Все они, рано или поздно, ушли.

Вопрос в том – как уйти. Ты считаешь, что неуязвим?

– Вообще-то да, – раз разговор перешел на такой уровень, я пренебрежительно киваю. Дома я бы заслужил пощечину за подобное неуважение к человеку почтенного возраста, такому, как Генри Роджерс.

– Должен разочаровать тебя, Джаред. Ты забыл, мой мальчик, что в стенах нашего престижного университета учились пять президентов Америки. А твой отец – шейх небольшой страны на ближнем востоке. Я хочу, чтобы ты понял, как можно раньше, что здесь, в Америке, вы должны следовать нашим законам, – интонация Роджерса меняется. Он переходит на повышенные тона. – Этот парень, Сэм Ченси, сейчас находится в больнице в критическом состоянии, лишь потому, что хотел попасть в число твоих приближенных.

– Ну, это уже его выбор. Или нет? – криво улыбаюсь я, скучающе глядя на свои часы. Через десять минут у меня начинается лекция по психологии. Не самый интересный предмет, но, к сожалению, входит в список обязательных курсов по моему направлению.

– Прекрати разыгрывать из себя принца, Джаред. Здесь ты такой же студент, как и все. У меня есть показания человека, который видел, как ты, твой друг Мэтт Калиган и другие ваши приятели заставили Сэма пить алкоголь, чтобы продемонстрировать свою готовность вступить в избранный круг Джареда Саадата.

– Сэм не подтвердит слова вашего свидетеля, – самоуверенно заявляю я.

– Если выживет, Джаред, – сухо замечает Роджерс. – А если нет, то это уже будет другое дело. Понимаешь меня?

Сжав губы, с исподлобья упрямо сморю на президента.

– Вы все можете получить обвинение в убийстве, – невозмутимо выносит приговор президент Роджерс.

– Он пил сам, – копируя его интонацию, отвечаю я.

– Показания свидетеля говорят о другом.

– Ваш свидетель врет. Бар был переполнен людьми, и я уверен, что никто из присутствующих не подтвердит слова вашего свидетеля. Я знаю свои права и законы вашей, уважаемый президент, страны, – пафосно произношу я, ожидая волны праведного гнева, но в ответ получаю такую же снисходительную улыбку.

– Я тебя понял, Джаред. Как управляющий университетом, я должен был предупредить о возможных последствиях для тебя и твоих друзей. Если раньше на многое закрывалось глаза, в связи с тем, что ваши действия не несли тяжкого ущерба здоровью других студентов, то данная ситуация может обернуться для тебя не лучшим образом.

– Спасибо, что поставили меня в известность, – сухо улыбаюсь я.

– Заканчивайте свои игры, Джаред, – в голосе президента появляются покровительственные нотки. – У вас осталось два месяца, а потом получение диплома. Не вынуждай меня звонить твоему отцу. Ему не понравится, что его сын ведет себя неподобающим образом в престижном заведении.

– Я вас услышал, сэр, – киваю я, поднимаясь.

– Всего доброго, Джаред. Советую тебе навестить Сэма Ченси в больнице.

– Приму к сведению. До свидания, сэр. Спасибо за уделенное время, – с плохо скрываемым сарказмом говорю я и сдержанно киваю. Президент не отвечает, а просто сверлит меня пристальным взглядом. Я поворачиваюсь и направляюсь к двери. И весь путь ощущаю на себе этот неприятный, тяжелый взгляд президента Роджерса.

Оказавшись в коридоре, я, сквозь зубы, бросаю ругательство на своем родном языке. За четыре года я много чего наворотил в стенах Йеля, но к президенту университета меня вызвали впервые. Я видел его раньше, пару раз говорил с ним, но, чтобы так, как только что… От ярости сводило скулы.

Зарычав, я ударил кулаком по стене. Отчитывал меня, как какого-то безродного недоноска, меня! Меня, черт побери!

Широкими шагами пересекаю холл, двигаюсь к выходу из помпезного административного здания и направляюсь в сторону кампуса, где уже началась лекция из моего списка занятий. Черт. Черт! Достаю телефон, чтобы набрать Мэтта Калигана, моего лучшего друга.

– Мэтт! – рявкаю, как только Калиган отвечает.

– Джаред, я в курсе, что тебя вызвал Роджерс. Меня тоже вызывают сегодня в три, – Мэтт опережает мой вопрос. Вот, что мне в нем нравится – он не трус, не тупой и не зануда. Во всех передрягах мы поддерживаем друг друга. И его не нужно просить, я знаю, что он всегда выручит. А если придется, то и подставится вместо меня.

– Кто слил нас? – требовательно спрашиваю я.

– Есть информация, Джар, но не точная.

– Говори.

– Сбавь обороты, друг, – нервно смеется Калиган. – Это я, Мэтт, а не твоя горничная.

– Извини, парень, – ухмыляюсь я. – Так что? Кто это?

– Том Коулман, – голос Мэтта становится серьезным.

Я хмурюсь, пытаясь сопоставить свои ассоциации с названным именем. Пусто, б**ь.

– И кто такой Том Коулман?

– Да парень один, со второго курса. Ничего выдающегося. Безликий. Говорят, он донес. Они, вроде как, с Сэмом учились вместе. Коулман врачей вызвал.

– Откуда столько информации, Мэтт? – сухо осведомляюсь я.

– Мой отец не такая крупная шишка, и его президент Роджерс потревожил первым. Прямых улик у меня нет, но отцу сказали, что донос настрочил приятель Сэма Ченси. Остальное дело техники.

– Отлично сработано, парень. Буду думать, что делать с Коулманом, – прохожу через зеленый дворик перед кампусом. Несколько студентов, разбившись на группы, толпятся возле здания. Завидев меня, те, кто попадаются на пути, поспешно расступаются, приветственно кивая. Я даже не смотрю на них, продолжая разговаривать с другом, и даю ему наставления.

– Не болтай лишнего, когда Роджерс устроит допрос. Ченси сам пил. Его никто не заставлял. Мы просто отдыхали в баре. Все, кроме этого дебила Коулмана, подтвердят наши слова.

– Понял тебя, Джаред. Давай пересечёмся в столовой в Пирсоне. У меня лекция по праву. Ты сейчас где?

– Рядом, – коротко бросаю я, останавливаясь перед входом в кампус. Изучающе оглядываю студентов, которые старательно либо улыбаются, либо отводят глаза. Как же мне нравится это место. Лениво скольжу взглядом по стройным девицам в коротких юбочках. Не всем льстит мое внимание, могу заметить. Только тем, кто не знает меня близко. Насмешливо ухмыляюсь, замечая Гвинет Ривз, которая мгновенно бледнеет и демонстративно фыркнув, убегает прочь. Ей так хотелось оказаться в компании популярных парней. И она оказалась, но не так, как ей бы того хотелось. Не в том качестве. Не думаю, что до окончания учебы ей удастся восстановить свою подмоченную репутацию шлюшки, которую можно замутить на двоих или даже троих. Глупая идиотка, не способная держать ноги сдвинутыми.

– Мэтт, в четыре в столовой. Всех собери. Нужно продумать план, – приказным тоном сообщаю я.

– Эй, Рэд! – кричит мне блондинка с подпрыгивающими сиськами, обтянутыми тоненькой футболкой. Я, как завороженный, смотрю на, как минимум, третий размер, и только потом поднимаю взгляд на лицо. Черт, кто такая? Мне нравится. Не супер, но на разок сгодится.

– Пока, Мэтт. Увидимся, – быстро заканчиваю разговор и убираю телефон в задний карман джинсов. Расплываюсь в своей фирменной улыбке, которая действует на глупых баб безотказно. Сучка млеет.

– Привет, – она краснеет от удовольствия, ведясь на приглушенный тон моего голоса.

– Я – Эйприл. Помнишь меня? Мы несколько раз тренировались на стадионе в одно и то же время.

– Группа поддержки? – интересуюсь, указывая пальцем на фирменную футболку с логотипом баскетбольной команды, за которую я играю.

– Да, группа поддержки! Ты вспомнил! – радостно щебечет девушка. Она хватает за руку высокую шатенку с длинными волосами и упругим задом, которая занята разговором со стайкой других девиц. – А это Сэм, – представляет она подружку. Я оценивающе разглядываю миловидное лицо, пухлые губы, голубые глаза. Приторная. Мэтт тащится от таких вот «губки-глазки».

– Привет, Сэм. Ты тоже из группы поддержки? – пристально разглядываю ее ноги. Они определённо стоят внимания. Вот если бы эти ноги и к груди… как там ее?.. Эйприл, было бы круто.

– Да. Мы недавно присоединились к девочкам, и вошли в основной состав, – Сэм проводит рукой по бедру в короткой юбке, явно для того, чтобы в очередной раз привлечь мое внимание к ее стройным ногам. А голос у нее приятный.

– Амбиции растут. Хотите повеселиться, крошки? – выгнув бровь, в лоб спрашиваю я. Их интерес очевиден, и смысла ходить вокруг да около я не вижу.

Девушки не успевают ответить, их отвлекает стремительно направляющаяся в нашу сторону Мелания Йонсен. Улыбка сползает с моих губ, и все тело охватывает уже знакомое напряжение. Бл*дство. Откуда я знаю, как зовут эту крошку, которая, словно не замечая меня, смотрит исключительно на своих подруг?

Об этом позже. Хуже другое. Я вспоминаю, кто такой Том Коулман, увидев миниатюрную Меланию Йонсен с ее серьезным, всегда немного напуганным выражением лица и робкой, рассеянной улыбкой.

– Мне пора, крошки, – машу рукой девушкам, игнорируя их разочарованные лица, и поднимаюсь по ступеням к дверям кампуса, думая о Мелании Йонсен.

Если бы ангелы существовали, то они выглядели бы именно так. Я, несомненно, хотел бы трахнуть этого маленького пугливого ангелочка, который слишком часто мозолит мне глаза.

Но, в отличии от своих подружек, она заставит меня потратить мое драгоценное время на долгие ухаживания, а я не вижу в этом смысла. Всегда есть те, кого не нужно уговаривать. Я наводил справки – Мелания Йонсен не из тех, кто «дает» на первом свидании. О ней, вообще, мало что известно. Заурядная личность, живет на стипендию, подрабатывает. Плохо одевается, но шикарно выглядит даже в дешевых шмотках. В ней есть что-то, заставляющее меня на пару секунд забыть об остальных. Какая-то хрупкость, неземная легкость. Смотрю на нее сейчас, и не могу заставить себя отвернуться. Простая черная зауженная юбка по колено, белая блузка с глухим воротом и коротким рукавом, жакет застегнутый на груди, обувь на низком каблуке, заплетенные в длинную толстую косу светлые волосы. Скучно. Никто из моих друзей не посмотрел бы на нее дважды. И они долго ржали, когда я, ткнув на нее пальцем, сказал «хочу». Но, видимо, они смотрели на Меланию другими глазами. Тогда я и узнал, что мое «хочу», скорее всего, обломается или сильно затянется.

В первый раз я заметил ее в библиотеке с тем самым Коулманом, который сдал меня и мою команду единомышленников президенту университета. Мелания смеялась, что-то показывая своему приятелю в книге. Сначала меня привлек звук ее смеха – мелодичный, чистый, искренний. Я поднял голову, чтобы посмотреть, кто отвлек меня от подготовки к семинару. Ее волосы не были заплетены, как сейчас. Длинные, белоснежные, волнистые, словно подсвеченные серебром. Драгоценный блеск, платина, белое золото.

Шелковые простыни, хрупкое стройное тело с мраморной, почти прозрачной кожей. И белокурые пряди, рассыпавшиеся по подушке… Вот, что приходило мне на ум, пока я смотрел, как она заправляет тонкими пальцами мешающиеся локоны за аккуратное ушко. Я не знаю почему я так завелся от созерцания ее волос, но просто завис на несколько мгновений. А потом она подняла голову,

почувствовав мой настойчивый жадный взгляд, и я потрясённо втянул воздух, встретив самые голубые глаза в мире. Готов поклясться, они меняли свой цвет в зависимости от настроения. В моей стране за нее отдали бы целое состояние. Таких девушек там не видели, и даже я, прожив в Америке пять лет, никогда не видел подобного совершенства. Она несомненно требует огранки, но материал превосходный. Прищурив глаза, я продолжал рассматривать Меланию, не обращая никакого внимания на ее парня. Меня не смущало, что ей понятен смысл моего внимания и уверен, что выражение моих глаз говорило само за себя. Медленно улыбнувшись чувственной хищной улыбкой, я заметил, как девушка нервно сглотнула и быстро опустила голову.

Нет, черт возьми, не отворачивайся от меня.

Но Мелания так больше ни разу и не удостоила меня взглядом. И совсем скоро утащила своего приятеля из библиотеки, чтобы не ощущать на себе мой горячий и алчный взгляд. Я проследил за ней до двери, отметив стройную миниатюрную фигурку. На ней было длинное белое платье свободного кроя, спадающее с одного плеча, поэтому мне не удалось рассмотреть ее женственные изгибы более детально.

Я бы забыл об этом эпизоде, и поразившая меня внешность девушки с голубыми, как самый чистый бриллиант, глазами стёрлась бы из памяти довольно быстро. Слишком много ярких, красивых, избалованных и дорогих сучек прошло через мою постель. Я не живу в общежитии и могу себе позволить иметь за ночь хоть пятерых, и никто мне и слова не скажет. Вечеринки, которые я устраиваю по четвергам, потом обсуждаются всем университетом целую неделю. Каждая симпатичная девушка мечтает попасть на мою тусовку, но я приглашаю самых-самых. Избранные, дорогие, горячие шлюшки попадают в мой дом в центре города по специальному приглашению. Три этажа, две гостиные, восемь спален и целый штат прислуги. Бар всегда до отказа наполненный элитным алкоголем. Мои гости часто остаются на ночь. А мои гостьи ровно до того времени, как я получаю от них все, что хотелось и планировалось. И я не чувствую себя одиноко в огромном доме, который снял для меня отец на время моего обучения. Скучать, если честно, некогда.

При таком бурном образе жизни долго удерживать в памяти какую-то прозрачную блондиночку было просто нереально. Но, как назло, мы постоянно с ней сталкивались в стенах университета. Один раз она буквально врезалась в меня, чуть не разбив себе нос. Смешная… Я просто обошел мимо, не взглянув в

раздосадованное неловким инцидентом лицо. Каждый раз она избегала моего взгляда, обходя стороной, и я делал то же самое. Было очевидно, что я ей не нравлюсь, или пугаю, или она наслушалась сплетен обо мне. Странное ощущение. Азарт. И в то же время раздражение. Злость. Похоть.

Мне бы хотелось нагнуть эту гордячку, которая воротит нос от самого популярного парня в университете. Но, с другой стороны, эта девушка не принадлежала к кругу топовых красоток, которых я обычно предпочитал видеть под собой. И все в ней предвещало проблемы и сложности. Мне не нужны заморочки. Я пустил дело на самотек, решив зря не тратить свое внимание и время на Меланию Йонсен, но, видимо, все-таки ей не избежать чести присоединиться к списку моих «бывших в употреблении». Ее парень помог мне в принятии решения.

Заходя в аудиторию, я мрачно улыбаюсь своим мыслям, присаживаясь на свободное место в последнем ряду. Я даже ручку и блокнот не достаю. Мои мысли вертятся вокруг хрупкой, обреченной на съедение, Мелании. Пора, крошка. Я и так ждал слишком долго.

Лекция пролетает незаметно, и ничего из зачитанного преподавателем материала не откладывается в моей памяти. На самом деле, я думал, о чем угодно, только не об изучаемом предмете. Плевать, основные баллы уже проставлены. В голове снова и снова крутится разговор с президентом Роджерсом, с каждой минутой делая мой план в отношении ничего не подозревающей девушки все изощрённее. Понимаю, что она не при чем. И к истории с доносом на меня и мою компанию не имеет абсолютно никакого отношения. Но мне необходим повод, чтобы дать себе волю. Я хочу получить эту крошку. Хочу убедиться, что она ничем не отличается от других, и вся эта ангельская внешность – просто пыль, которую она умело бросает в глаза, набивая себе цену. Уверен, что блондиночка раздвинет свои ножки так же быстро, как и ее предшественницы, стоит мне проявить немного настойчивости, фантазии и капельку внимания.

В перерыве между лекциями, согласно договоренности, встречаемся с Мэттом в столовой. Я беру себе стейк из говядины и овощной салат, из напитков – крепкий кофе. Но этот кофе просто вода по сравнению с тем, что варят у меня на родине. Не то, чтобы я скучаю… Честно говоря, возвращаться совсем не хочется, но теперь обстоятельства изменились. Я больше не обязан жить в доме первой

жены отца. Личные вещи уже перевезли в пустующий особняк моей матери, где я жил до одиннадцати лет. Так же отец сообщил, что в качестве подарка за диплом он начал строительство виллы для меня и моей будущей жены. А дом матери, после моего заселения во дворец, скорее всего перейдет второй жене, если она, конечно, появится. Наша религия позволяет нам брать себе до четырёх жен. У моего отца их три, и огромное количество наложниц, которых он содержал на отдельной вилле, но жены прекрасно знали о существовании гнезда разврата. Моя мать тоже была наложницей, но на привилегированных условиях. Отдельный дом на полторы тысячи квадратов, роскошные подарки, признание внебрачного ребенка, как одного из наследников. Думаю, он любил ее, если это понятие можно отнести к арабским мужчинам, которые позволят участвовать женщине в своей жизни для удовлетворения двух потребностей – секс и сыновья. Не уверен, что буду брать вторую жену. Не вижу смысла. Я создам свой оазис наслаждений.

Когда мне было пятнадцать, отец привел меня на свою виллу, где частенько проводил время. Как раз привезли новых девушек из стран третьего мира. Совсем молоденькие и невинные. Отец позволил выбрать мне трех. Я знаю, что сейчас они ждут меня и никто ими не пользуется в мое отсутствие. К моему возвращению, девушек поселят в женской половине дома моей матери, обеспечив всем необходимым. Уверен, что они ждут меня с нетерпением после пяти лет отсутствия. Изголодавшиеся, смуглые красавицы с гибкими стройными телами. Ммм… это будет незабываемое возвращение. Я широко улыбаюсь своим мыслям, когда замечаю Мэтта Калигана. Друг направляется в мою сторону, удерживая в руках поднос. Несколько девушек за соседними столиками оборачиваются ему вслед, возбужденно хихикая и перешептываясь. Мэтт, надо признать, пользуется не меньшим успехом у девушек, чем я. Мы вместе тренируемся и участвуем почти во всех спортивных мероприятиях Йеля, и наша физическая форма выгодно отличается от хилых тел местных ботаников. И, в отличии от меня, он более… мягок с девушками. Я же не считаю нужным церемониться со шлюхами. Если девушка позволяет себя трахнуть на первом свидании, она не заслуживает иного отношения. Но с некоторыми бывает весело, и я пользуюсь ими больше одного раза. Таких счастливиц за время моего обучения здесь накопилось не больше десятка.

– Выглядишь так, словно только что мысленно трахнул Скарлетт Йохансен, – с лукавой улыбкой замечает Мэтт, присаживаясь напротив. Оглядываясь, он широко улыбается перешептывающимся девушкам из группы поддержки за соседним столиком.

– Почти, – с ухмылкой замечаю я. – Меланию Йонсен. Причем, в извращенной форме. И фамилии, заметь, почти одинаковые.

– Ты опять за свое, – неодобрительно смотрит на меня Мэтт, переставляя с подноса на стол запеченные свиные ребрышки под острым соусом. Я делаю гримасу, выражающую отвращение к блюду своего приятеля. Мне с детства внушали, что свинина – грязное мясо, и даже смотреть на то, как его едят другие мне неприятно. – Только зря потратишь время, – заканчивает мысль Мэтт. – И у нее парень есть. Стоп! – друг изумленно смотрит на меня. – Коулман? – осенила его догадка.

– Он доставил мне неприятности, – с деланным равнодушием произношу я, глядя на свои часы, потом на костяшки пальцев, сжав руку в кулак. – Я не просто дух из него выбью, я еще и подружку его трахну. Как думаешь, равносильное наказание его крысиному преступлению?

– Идея, конечно, интересная, – задумчиво протягивает Калиган, делая большой глоток кофе из своего стакана, на время отставляя тарелку со своим отвратительным обедом. – Но, как ты планируешь ее осуществить?

– Вечеринка. У тебя. Сегодня, – кратко обозначаю я основные моменты.

– Она не ходит на вечеринки, – качает головой Мэтт. Я небрежно пожимаю плечами. – Подожди, а почему у меня?

– Подозреваю, что ко мне она точно не пойдет, – киваю в сторону девушек, которые все еще глазеют на нас. – Две из этих текущих сучек ее подружки. Я не стану тратить время, а ты позовешь их, скажешь, что приглашение действует при условии присутствия их нелюдимой подружки. Про меня ни слова. И про Коулмана не забудь.

Мэтт задумчиво хмурит лоб, размышляя над моим предложением. Лично я не вижу ничего сложного. До банального простой план.

– Окей, Джар, – кивает Мэтт. – Если мы все-таки затащим на вечеринку эту ботаничку, то с чего ты взял, что она так легко тебе даст? Может, просто этому козлу морду начистим?

– Слишком просто, – отмахиваюсь я, мрачно ухмыляясь. – Давно хочу стащить трусики с блондинистой сучки.

– Не понимаю, что ты в ней нашел, – пожимает плечами Мэтт. – У тебя любая красотка по свистку, а ты придумываешь целый план, чтобы отыметь какую-то скучную, прозрачную…

– Мэтт, это не ради нее, – обрываю друга на полуслове. – Я просто хочу развлечься. И все.

– Уверен? – он пристально смотрит мне в глаза.

– Нет, б**ь, я влюбился. Ты это хочешь услышать? – раздраженно спрашиваю я.

Мэтт хохочет, хлопая ладонями по столу.

– Я представил, – давясь от смеха, говорит мой друг-придурок. – Выхаживаете такие под ручку по Йелю, рассуждая о сонетах Шекспира. Ты в рубашечке и брючках со стрелочкой, в круглых очочках, она в платьице в горошек.

И тут я тоже начинаю ржать, как одержимый.

– Я могу на тебя рассчитывать? – когда мы оба успокоились, серьёзно спрашиваю я.

– Конечно, друг, – уверенно кивает Мэтт. – Я поговорю с этими курицами. Ты получишь свою мышку на основное блюдо вечером. Потом расскажешь, как она, – добавляет он с пошлой улыбочкой. – Возможно, я тоже перейду на тихонь. Кто знает, какие там страсти кипят под невзрачной внешностью.

– Мелания не невзрачная. Ей просто не хватает стиля, финансовых возможностей. Ты слепой, если не видишь очевидных вещей, – с раздраженными нотками в голосе говорю я. – Но, давай, уже закроем тему и поедим. У меня не на шутку аппетит разыгрался после всех этих разговоров.

Закончив с обедом, а оставляю Мэтта, с ухмылкой заметив, что он с энтузиазмом взялся за выполнение задания. Я еще не вышел из столовой, а он уже флиртовал

с подружками Мелании Йонсен, которой предстоит стать моим поздним ужином. Будет вкусно, я не сомневаюсь. Вкусно, приятно и горячо.

На следующую лекцию по финансовому делу я захожу с небольшим опозданием. Полукруглая просторная аудитория заполнена до отказа. Сажусь в последний ряд, на единственное свободное место, не получив ни малейшего замечания со стороны Шварца – преподавателя, который слывет своей строгостью и повышенными требованиями к дисциплине. Но мне позволено больше, чем остальным, и я вовсю использую свое преимущество. Вальяжно развалившись на стуле, лениво осматриваю аудиторию. Когда мой взгляд натыкается на знакомый профиль, я не могу поверить в свою удачу. Мне посчастливилось немного полюбоваться мышкой, прежде, чем съесть ее. Наверное, мне стоит немного поиграть с добычей. Пусть обратит на меня внимание. Ну, что малышка, разогреемся перед незабываемым вечером?

Смотрю в упор на распинающегося перед студентами Шварца.

– На рынке также работают ипотечные брокеры, – говорит он с важным видом. Делает паузу и добавляет не менее деловитым тоном. – Это люди, которые дают консультации по ипотечным кредитам. И что интересно, их деятельность никак не регулировалась до финансового кризиса…

О, да, мой выход. Поднимаю вверх руку с ручкой, привлекая внимание Шварца, обрываю его на полуслове, задавая вопрос, который первый приходит в голову.

– Хм, не регулировалась? Значит таким экспертом мог стать кто-угодно? Даже бывший преступник?

Боковым зрением, я замечаю, как белокурая головка поворачивается в мою сторону. То, что нужно. Смотри на меня, девочка. Отныне, я буду твоим ночным кошмаром. Этот вечер ты точно не забудешь. Никогда.

Мелания

Так, Мэл, не отвлекайся.

«Инвестиционные управляющие и их роль в финансовой системе…» – быстро записала в тетради тему сегодняшней лекции, стараясь внимательно слушать преподавателя – мистера Шварца.

Я не успевала за его словами, потому что отвлеклась на этого… неприятного молодого человека, что опоздал на пару. Удивительно, что его вообще пустили.

Но, видимо, никто не смеет перечить этому принцу-выскочке.

Я посмотрела в его сторону и тут же отвела взгляд, вернувшись назад к тетради. Тоже мне, принц. Сын алмазного миллиардера из страны где-то там… а, черт его знает где. И даже не единственный наследник. Один из троих. Я слышала, что двое старших братьев засранца тоже учились здесь. Хорошим поведением не отличались, но этот переплюнул всех. Типичный самовлюбленный эгоист, уверенный в том, что вокруг него вертится весь белый свет.

Мне хватило пару взглядов на Саадата, чтобы понять, что он из себя представляет. Неприязнь – это самое безобидное из чувств, которые во мне вызывает «принц». Особенно раздражает то, как Саадат ведет себя, словно он хозяин мира, не меньше. Самовлюбленный, насквозь фальшивый, циничный… Это лишь короткий перечень синонимов, которые можно к нему применить. О его личной жизни ходят легенды, а он только рад стараться, каждый день тиская в коридорах Йеля новую подружку. А чего только стоят эти его похотливые улыбки в сторону каждой короткой юбки?

Может всем девочкам и нравятся такие парни, но я точно не в числе фанаток пустоголовых нарциссов.

Сжимая челюсти, возвращаюсь к лекции, строча так быстро, что устает рука. Глаза бы мои его не видели, но лекция по финансам проходит сразу у нескольких курсов одновременно. С привилегированным выскочкой у нас редко совпадают лекции, слишком велик разрыв. Я на втором курсе, Саадат на последнем, а это значит, что совсем скоро он исчезнет из коридоров священного и любимого Йельского университета и перестанет маячить перед моими глазами. И бесконечно раздражать своим эгоцентричным и циничным поведением. Не в моих правилах судить о человеке «по обложке», но Джаред Саадат – это тот случай, когда грязные слухи о нем ничто, по сравнению с реальностью.

Я не знаю наверняка. Я просто это чувствую.

– На рынке также работают ипотечные брокеры, – вещал мистер Шварц. Ох, как я «люблю» финансы. – Это люди, которые дают консультации по ипотечным кредитам. И что интересно, их деятельность никак не регулировалась до финансового кризиса… – мистер Шварц осекся, и я услышала низкий баритон с хрипотцой, доносившийся с моего ряда.

Саадат сидел на другом конце полукруглой аудитории.

– Хм, не регулировалась? Значит стать таким экспертом мог стать кто-угодно? Даже бывший преступник? – я снова посмотрела на профиль молодого человека, подавшего голос. Никто не перебивает мистера Шварца, пока он сам не задает вопрос. ОН сидел в расслабленной позе, будто присутствовал не на паре по финансам, а обедал с другом в столовой. Нет, дело было даже не в позе и не в том, что на нем темно-синяя футболка с аббревиатурой нашего университета (YALE), плотно прилегающая к рельефному телу. А в его взгляде, и в том, как Саадат общается с преподавателем. Так, словно они с мистером Шварцом не то, чтобы на равных, а так, словно он считал себя выше всех присутствующих в этой аудитории.

Он – король мира, а мы так, массовка, тени, на красочной картине его жизни.

Да, я совсем его не знаю. Но чувства у меня к нему самые негативные и неприятные. Терпеть не могу выскочек, а ещё больше – влюбленных в себя парней. Такие все одинаковы. Смотрят на людей с высоты своего эгоцентричного «я», позволяя приблизиться лишь избранным, и то, если сами имеют с этого какую-то выгоду.

– Теоретически да, мистер Саадат, – ответил парню мистер Шварц и даже слегка улыбнулся. – Хотя, после финансового кризиса, это упущение исправили… – преподаватель продолжил лекцию, а я замерла с ручкой над белым листом бумаги.

Тяжело вздохнула, возведя глаза к небу… получилось слишком громко. Несколько сокурсников посмотрели на меня, и он повернулся в том числе, одарив меня беглым, пренебрежительным взглядом. Холодным, снисходительным… сравнивающим меня с землей.

Кровь прилила к щекам, я молилась, чтобы он этого не заметил. И все же всего на миг мы встретились взглядами: его серебряные, как гладь зеркала, глаза, прожгли мне нутро своей холодностью. Да, да, прожгли холодностью.

Потому что… несмотря на обычно некую отрешенность и превосходство во взгляде, все знали, насколько у этого парня горячая кровь. О да, о его темпераменте ходили легенды.

Впрочем, меня это волновать не должно. Я даже удивлена, что он соизволил взглянуть на меня.

Помнится, как – то я шла по коридору, свернула за угол… и ударилась лбом о его каменную грудь. Он такой огромный и крепкий, что я могла бы получить сотрясение, если бы бежала. И что? Этот ублюдок даже бровью не повел, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь мне собрать повалившиеся на пол тетради и учебники. Он не одарил меня ни словом, ни взглядом. Просто пошел дальше, ни разу не обернувшись…

Для самодовольного ублюдка я была невидимкой – еще бы, со своим ростом в 159 сантиметров, светлыми волосами и хрупкой фигуркой, я сливалась с солнечными лучами на стенах университета. Не то, чтобы я жаждала внимания Саадата, нет. Но то, что он никогда меня не замечал, уязвляло мою самооценку. Я же не слепая, и не раз замечала, как бесцеремонно он флиртует с многочисленными девушками нашего университета. Постоянно. Особенно, с блондинками. Видимо у него пунктик в отношении цвета волос.

И ни одна его не отталкивала. Ни разу. Или не при мне. Просто ради того, чтобы отшить, я бы, возможно, хотела получить от него хоть малейший знак внимания, чтобы поставить его на место. Ух, я бы сломала его безотказную систему поведения – дьявольски очаровательная улыбка, игра мышц…

Я с ужасом осознала, что ничего не записываю за Шварцом, и уже три минуты, как думаю об этом ублюдке.

Снова смотрю украдкой на арабского миллионера. На самом деле, внешне он совсем не похож на представителя арабского мира. По фильмам я представляла жителей Ближнего Востока совсем иначе. Джаред же ломал все стереотипы.

Кожа смуглая, будто он живет на пляже, но не настолько, чтобы его можно было принять за араба, пепельно-каштановые волосы, некоторые пряди словно выгорели на солнце, а глаза и вовсе тема отдельная – их стальной, почти прозрачный оттенок, в контрасте с загорелой кожей, смотрится необычно, и этот диссонанс, признаюсь, завораживает.

Смотрю на свою руку – кожа покрылась мурашками, но явно не от прохладного воздуха в аудитории. От его взгляда.

Отвернулась.

Я чувствовала, что он до сих пор смотрел на меня, и знала, что, если посмотрю на Саадата, парень уже опустит или переведет взгляд в сторону.

Всю пару я провожу, нервно ерзая на скамье, а когда она, наконец, заканчивается, вздыхаю с облегчением. До следующей лекции есть сорок пять минут, а это значит, что мне пора на обед с Эйприл и Сэм.

Выхожу из аудитории, краем глаза наблюдая, как Саадат задержался, чтобы перекинуться парой слов с очередной блондинкой в кофточке с глубоким декольте. Чертов хищник. От него нужно держаться подальше.

Хотя ему, к счастью, все равно плевать на меня.

Даже не знаю, почему отчасти меня это задевает. Хотя нет, знаю. Исключительно потому, что я бы очень хотела поставить его на место, и дать понять, что не все ноги мира раздвинутся по щелчку его пальцев.

Я стараюсь не думать о нем, но его серебряные глаза то и дело всплывают перед моим внутренним взором. И так до тех пор, пока Сэм и Эйприл не опускают свои подносы на столе, за которым мы всегда обедаем.

– Ненавижу тебя, Мэл, – Эйприл с раздражением смотрит на мой поднос. Я старалась соблюдать правильное питание, несмотря на то, что всю жизнь была хрупкой и маленькой. Но когда нервничала, всегда заказывала какую-нибудь вредность.

И почему я нервничаю?

Мне не мешало бы поправиться. Хоть чуть-чуть. Но моя фигура осталась бы такой, даже если бы я съела ногу динозавра.

А вот Эйприл постоянно сидела на диетах, ограничивая себя во всем, кроме… алкоголя, что литрами поглощала на вечеринках.

– Пицца пахнет божественно, а я на низкоуглеводной диете, – закончила фразу она, ковыряясь в своем черничном йогурте.

– Что ж, твоя диета продлится ровно до девяти часов вечера, – скептически заметила Сэм, толкая ее в бок.

– А что будет вечером? – без интереса спросила, уже зная ответ заранее. Мы познакомились с девочками еще на первом курсе. Первые несколько месяцев, мне было трудно побороть себя и подружиться с кем-либо. Я не привыкла доверять или открываться людям, но потом поняла, что без общения мне не протянуть.

Я превращалась в типичного «книжного червя», целыми днями пропадающего в библиотеке. В девушку, которой не с кем сходить в кино, или обсудить последнюю прочитанную книгу. Да, девочки моих увлечений не разделяли, но, по крайней мере, я была не одна. К тому же, мне просто необходимы были подруги, с которыми я могу убежать от, порой чересчур навязчивого, внимания Томаса.

Иногда мне кажется, что Томас попрощался со своей мечтой о Гарварде, просто чтобы учиться в одном городе и университете со мной. Это пугало меня, но, с другой стороны, Томас был отличным другом и человеком, проверенным временем – именно он был рядом со мной, когда я убегала из дома, поссорившись с папой. Именно он был рядом, после того, что я пережила, потеряв единственного родного, после мамы, человека.

Наверное, мы с Томом были куда больше, чем друзья. Иногда я позволяла ему нежные поцелуи в щеку. Но к более взрослым отношениям, не была готова.

Том никогда не попросит у меня того, что я не захочу ему дать сама. А рано или поздно, я могу этого захотеть, просто потому что… он действительно нравится мне. Он нежен и заботлив. Он всегда рядом, когда мне нужна помощь, или мне нужно с кем-то поговорить. И он, по крайней мере, разделяет мои интересы – в частности, литературу и искусство.

Но иногда его слишком много. И вот тогда на помощь приходят Эйприл и Сэм. Мы подружились, когда я помогла им с подготовкой к экзаменам… девочки едва успевали за программой университета, из-за спортивных тренировок и всевозможных тусовок. К счастью, от меня они отстали еще полгода назад, убедившись в том, что меня нереально затащить на вечеринку.

У меня есть дела поважнее, чем наблюдать за тем, как все напиваются в хлам, снимают драки на видео, и не только драки… А вечеринки, которые закатывает Джаред Саадат и его дружки, так вообще больше напоминают логово разврата.

Но ему все сходит с рук.

– А вечером мы идем к Мэтту Калигану. И когда я говорю МЫ, я имею в виду нас троих, Мелания. – Сэм сдвинула брови к переносице, и с укоризной посмотрела на меня. – Ну сколько можно, Мэл?! Скоро каникулы.

– Через четыре месяца, а потом еще практика.

– ТЫ никуда не ходишь…! – начала давить и Эйприл.

– Девочки, я работаю, – улыбнулась, благодаря Бога за то, что у меня есть потрясающая отговорка. – Стипендии не хватает, чтобы оплатить все расходы.

– Нет, врушка. Я позвонила тебе на работу – сегодня твой выходной, – Сэм ехидно ухмыльнулась, заметив безысходность на моем лице.

– Девочки, я правда очень хотела провести вечер с чашкой какао и Джеком Лондоном…

– Что еще за Джек? ТВОЙ ПАРЕНЬ? Почему ты молчала?!

– Дура, это писатель, – Сэм снова толкнула Эйприл, и они захихикали не самым приятным смехом. Они всегда так ржут, когда наши интересы расходятся.

– Мелани, может хватит проводить вечера с писателями? Они не смогут подарить тебе… – Эйприл встряхнула волосами, похотливо улыбнувшись парню из баскетбольной команды, что проходил мимо нашего столика. – Особый вид удовольствия. Тебе уже девятнадцать! Пора переходить на спортсменов.

– Не понимаю, как можно учиться в Йеле, и не знать, кто такой Джек Лондон. Как ты сюда попала? – отвечаю им колкостью в ответ. – И вы же знаете, мне это не интересно. Я не хочу весь вечер отбиваться от придурков, которые думают, что им все можно.

– Мэл, это просто секс. Просто секс! И не более. Почему ты ко всему так серьезно относишься? Это же…, как тренировка, – подруга закусила губу, явно вспоминая одну из таких «тренировок». – И, если парень хочет тебя трахнуть, это не значит, что он придурок. Это значит, что ты привлекательна. А ты часто себя такой чувствуешь, когда сидишь в обнимку с книжками?! И тебе всерьез стоит подумать над этим. У тебя из месяца в месяц ничего не меняется. Книги, работа, учеба. Как можно так жить? Правильная ты наша. Иногда, рядом с тобой, я чувствую себя последней шлюхой. Хорошо, что есть Сэм… а ты у нас еще совсем маленькая девочка, – Эйприл продолжала давить, рассуждая о моей девственности, как о недостатке. – На самом деле, из этой ситуации есть выход. Если кто-то к тебе пристает, говори прямо, что ты девственница.

– Да, поверь, никому не нужны с тобой проблемы. Никто не любит девственниц и брать на себя такую ответственность. Парни хотят всего и сразу, и ммм… в разных позах. А ты же жуткая неумеха. Что ты там можешь? Лечь на кровать и плакать, глядя в потолок? Поверь, как только приставучие, как ты выразилась, придурки, узнают о твоем маленьком недостатке… У них сразу… ну ты понимаешь, – Сэм продолжала смеяться и опустила указательный палец вниз.

Понимаю, подруга, вроде как, шутит, но звучит не очень приятно.

Я покраснела, при одной только мысли о том, что могут подумать обо мне окружающие. Что я обсуждаю за обедом такие вещи? А вдруг здесь есть преподаватели? О, черт.

– Мэл, твоя девственность прекрасная защита от придурков. А мы просто хотим, чтобы ты, наконец, куда-то выбралась. Ведь ты не вылезаешь из библиотеки или с работы, тебя даже в кино уже невозможно вытащить! К тому же, ты будешь с Томом. Он тебя защитит, – снова приводила неубедительные аргументы Эйприл.

– Пожалуйста, милая, пошли с нами. Возьми этого Тома, я тебя умоляю. Он, кстати, мне нравится. Всегда хотела попробовать подоминировать, – я уже не знаю, шутит Сэм или нет, и запихиваю в рот побольше пиццы, чтобы избежать ответа.

А на самом деле понимаю, что на этот раз мне не отвертеться.

Глава 2

«Наверное, есть в нём какая-то злая сила, иначе откуда у него эта власть над ней».

Джек Лондон, «Мартин Иден»

Мелания

– Вы замерзнете, – оглядываю своих подруг в коротких платьях с глубокими декольте, когда мы уже находимся в нашей с Сэм комнате.

– Поверь, мы быстро согреемся, – Сэм уже начала пить какую-то гадость из банки.

Эйприл живет с другой девочкой из группы поддержки, но собираемся в логово разврата мы именно в моей спальне, потому что Сэм любит руководить всем, что движется. Вот и тут она решила указывать мне, что надеть, и попыталась налепить на меня одно из своих развратных платьев. Конечно, я его померила.

Честно говоря, такой я себя никогда не видела. И, в глубине души, мне нравилось мое новое отражение. Платье выгодно подчеркивало талию, а благодаря специальным чашечкам на груди, увеличивало ее небольшой размер.

Прохладный шелк обтягивал бедра, которые мне не нравились, но и тут ткань делала свое дело: платье обволакивало меня словно идеальный футляр, и в нем я выглядела сексуально.

Я? Даже не знаю… Чувствовать себя сексуальной было приятно и противно одновременно.

Потому что я себя не узнавала. К тому же, вздрагивала от голоса отца из своих воспоминаний:

Иди учи уроки, дочка. Будь дома в восемь. И никаких вечеринок. Мне не нужны сплетни, о том, что моя дочь шлюха. Никаких коротких юбок!!!

И таких фраз можно припомнить сотни. Я воспитана иначе, и поэтому я снимаю великолепное серебристое платье от Herve Lager и отдаю его Сэм.

– Я его не одену, – вздыхаю, роясь в своем шкафу.

– Оденешь!

– Так, девочки! Я хоть маленькая и тихая, но не настолько! Я иду на эту вечеринку ТОЛЬКО при одном условии: в своей одежде, и вы перестаете указывать мне, что делать. Ясно? – топнула ногой, окидывая их пристальным взглядом. Сэм и Эйприл заржали, а Эйп от смеха провела красной помадой по щеке и заныла.

– Черт!

– Ты такая милая, когда злишься. Недовольный ангелочек. Ох, чувствую, Мэл, в твоем тихом омуте водятся нехилые черти…

– Прекрати, – огрызаюсь, доставая джинсы и простую клетчатую рубашку. Сэм вырывает их из моих рук.

– Ну уж нет! Одень хотя бы юбку! А этот ужас надо сжечь! – она кидает мою одежду на кровать, и достает из моего шкафа красную обтягивающую, из бандажной ткани, юбку. Короткую. Откуда она у меня?

– Хорошо, но верх я обязательно закрою, – я придирчиво оглядела себя в зеркале. Юбка села на меня идеально, но мне все время хотелось опустить ее пониже. Поджав губы, разглядываю свои слегка торчащие ребра и маленькую грудь в белье, натягиваю простую кремовую майку. А сверху белый кардиган, который застегиваю на все, без исключения, пуговицы.

– Вот ханжа. Может паранджу оденешь тогда?! – Эйприл оглядела меня придирчивым взглядом. – Ладно, что с тобой делать. Видимо, наш план помочь лишиться тебе девственности провалился. ЭТО ШУТКА, Мэл. Просто шутка, – оправдывается она, когда видит недовольное выражение моего лица. Я кидаю в нее подушку, заканчивая легкий макияж – немного туши и бальзам для губ. К моему бледному лицу румяна так и просятся. Но, думаю, когда я буду созерцать спектакль разврата на вечеринке, румяна мне уже не понадобятся.

– Все, Стивен за нами заехал. Ждет на выходе из кампуса, – объявила Сэм, вскользь упоминая свою сегодняшнюю жертву-спортсмена. В случае с Сэм, парень вполне может оказаться жертвой, а не хищником…

Мы выходим из кампуса, и я поднимаю взгляд на вечернее небо. Оно тяжелое, мрачное, грязно-серого цвета, словно вот-вот пойдет дождь. Холодный порыв ветра не предвещает ничего хорошего и меня морозит до костей. Погода говорит сама себя. Небеса словно предупреждают меня о том, что какао и Джек Лондон – идеальный план на сегодняшний вечер.

Я, с замиранием сердца, перевожу взгляд на голые деревья и вечно зеленую лужайку перед многочисленными зданиями любимого университета. Йель. Я так долго мечтала поступить сюда, что теперь, даже почти два года спустя, не могу поверить, что учусь здесь. Здания, напоминающие мне дома из готической Европы, окрашены первыми сумеречными тенями, и у меня в животе зарождается нехорошее предчувствие…

Кутаюсь в шелковый шарф, что подарил мне Томас на день рождения и застегиваю кожанку.

«Рад, что тебя уговорили выбраться. Встретимся на вечеринке, милая.» – приходит смс от Тома, и я улыбаюсь. Подружки тянут меня за собой, и вот я уже сижу в машине Стивена. Здесь пахнет так, словно это прокуренный бар, а не салон автомобиля, и тут я окончательно понимаю, что все это – не для меня.

И во что я ввязываюсь?

Ладно, Мэл, успокойся. Всего лишь вечеринка. Ты просто потанцуешь часик, и попросишь Тома отвести тебя домой. Или нет…? Какими бы дурочками ни были Эйприл и Сэм, я бы не хотела оставлять их одних. В прошлый раз Эйп ввязалась в крупные неприятности на одной из вечеринок. Конечно, от того, что была в нетрезвом состоянии, но все же…

Я пить не буду.

Ничего страшного не произойдет.

Ужас. Просто кошмар. Я не понимаю, что движет девушками, когда они одеваются ТАК откровенно. Вроде бы сегодня не Хэллоуин. Но больше половины девчонок одеты так, словно не знают элементарного правила стиля: открывая ноги, закрой грудь. И наоборот.

Хотя Сэм и Эйприл посмеялись бы, озвучь я вслух правила стиля, уверена, они считают, что я одеваюсь безвкусно. Но это только потому что мой гардероб состоит из простых, базовых вещей. Я не дочь богатых родителей.

Я оказалась в Йеле, потому что работала в старшей школе – официанткой, хостес и даже нянечкой. Бралась за любую подработку, чтобы накопить на проживание в кампусе. О дорогой одежде не может идти и речи, и, честно говоря, я не особо в ней нуждаюсь. Наверное, единственное, к чему питаю слабость – это к изысканным украшениям.

Всегда с замиранием сердца смотрю на аккуратные гребни ручной работы на моделях, тонкие браслеты и чокеры, подчеркивающие хрупкость шеи. Иногда делаю их сама из простых материалов – лески, атласа и пуговиц, и даже делала парочку для девочек.

Есть что-то завораживающее в блеске драгоценностей и редких металлов.

Я отгоняю от себя эти мысли, нервно теребя кулон на своей шее. Папа подарил его мне, когда мне исполнилось семь. Джонатан привез его из-за океана, когда

вернулся домой, после нескольких месяцев службы.

«Голубоглазый ангел, просто открой этот кулон, если тебе станет одиноко и грустно. Я носил этот кулон в таких местах… о которых не стоит знать маленькой девочке. И знаешь, мне кажется, меня бы сейчас здесь не было, если бы не ты, русалочка моя.» – папа тогда открыл этот кулон, выглядевший для всех как обычная круглая пластина. Но внутри… слева находилась моя фотография крохотного размера, а справа – голубой камень округлой формы, поражающий своим ослепительным сверканием и переливом граней.

С возрастом я все реже открывала или надевала на себя этот кулон. Хранила в шкатулке, где храню все свои украшения, но кладу в потайной отдел, под первым дном. Мало ли. Я до сих пор не знаю, ценна ли эта вещица или нет, да и не хочу знать. Главное, что для меня кулон бесценен. Память о папе.

После того, как он пропал без вести на службе, мы с мамой остались совсем одни. Мне было десять. Я до сих пор помню звуки ее судорожных всхлипов и горькие рыдания по ночам… мне тоже было больно, но мама плакала так, словно потеряла отца навсегда, а я… слишком сильно верила в чудо, и всегда надеялась на то, что его найдут, и папа вернется.

Моих надежд хватило на три года. Именно тогда я поняла, что чуда не произойдет. И папа больше не вернется со службы под Рождество, не оденет костюм Санты, и не проберется в мою спальню, чтобы съесть молоко и овсяное печенье, которое я ему оставила. Он всегда так делал, а я наблюдала за ним, сквозь ресницы. Чувствовала, как он шуршит пакетом с подарками, аккуратно расставляя коробки под елкой. Сдерживала улыбку, когда чувствовала касание его пальцев на своей щеке…

На третье Рождество после того, как он пропал, я получила в подарок Эдварда. Лучший друг отца, вернувшийся с той самой службы живым – многие годы он «утешал» мою маму. Я была слишком маленькой, и не могла понять, что между ними происходит, пока он не переехал в наш дом. Эдвард установил в нашем доме особые правила. Генерал Армии сухопутных войск, деспотичный, опасный мужчина… я не понимала, как мама могла выбрать его. Война на Ближнем востоке отразилась на его психике. Наверное, мама сходила с ума от одиночества, а он был слишком настойчив…

Я знаю, знаю это на себе. Каким настойчивым может быть Эдвард.

Некоторые правила Эдварда, мама так и не узнала. Он никогда не делал этого при ней.

И он никогда не заботился обо мне по-настоящему. Я была лишена всего: материальной поддержки (Эдвард был далеко не бедным человеком, но мы с мамой понятия не имели, куда уходили его деньги), отцовской заботы, нежности и любви. На смену этим чувствам пришли боль, стыд и отчаяние.

От отца у меня остался только кулон, и несколько ярких воспоминаний, которые постепенно угасали…

И мне до сих пор кажется, что не отдай он кулон, папа был бы сейчас рядом. Улыбался бы и служил на благо этого мира, как делал всегда.

Но он отдал кулон мне, и через несколько лет его не стало.

Я счастлива, что внешне кулон выглядел как обычная бижутерия, иначе бы Эдвард тут же сорвал с меня столь помпезное украшение. Да и мама была бы не рада тому, что я ношу его и привлекаю к себе внимание. А так, он незаметен для всех, но мне грел сердце… особенно в такие моменты, как сейчас. Когда я нервничала.

– Мэл, всего лишь чуть-чуть?! Выпьешь? – Сэм постаралась перекричать оглушающую музыку в доме. Мы находились во владениях Мэтта Калигана – парня с последнего курса. Сегодня этот дом превращен в настоящий ночной клуб внутри: на входе даже стояли парни, которые пускали не всех девушек. Меня окинули странным взглядом, и, переглянувшись между собой, пустили.

Да уж, простите, я забыла оголить сиськи. Не по дресс-коду оделась.

– Что это? – не то, чтобы я была совсем против алкоголя, иногда выпивала бокал вина по праздникам. А в такой сумасшедшей атмосфере мои нервы закипели настолько, что я была бы не прочь немного снять напряжение. Но, заглянув в стаканчик, с отвращением поняла, что это текила.

– Текила, Мэл. Ты уже взрослая девочка, хватит морщить свой маленький носик, – она залпом осушила пластиковый стакан и ускакала туда, где уже во всю шли дикие пляски. Девочки трясли своими бедрами, под треки популярных реперов, а парни свистели. В общем, вакханалия. Праздник для парней, которые заманили в свой дом десятки легкодоступных девушек, которые были только рады потрахаться с ними просто так.

Как сказала Эйприл – это «тренировка». Но я не хотела заниматься этим спортом… для меня секс был важным шагом. Я бы уж точно сделала это с человеком, которому доверяю, и который уважает меня.

Он был бы нежным и аккуратным… но страстным. Да. Я хорошая девочка, но думаю, с любимым могла бы позволить себе большее. Кто знает?

Эйприл была королевой танцпола, пока Сэм зажималась с каким-то парнем в углу. Я не видела его лица, потому что могла лицезреть только его толстовку с надписью YALE, но начала переживать за подруг.

Я слышала много грязных сплетен о Саадате, Калигане… я просто боюсь за репутацию своих девочек. У этих ублюдков есть компромат на всех девушек, что хоть раз побывали в их «сетях».

Под потолком большого зала висел мерцающий шар, отбрасывающий блики на небольшой бассейн прямо под крышей, в котором купались самые отчаянные. В сторону бассейна я старалась вообще не смотреть. Хватило того, что один раз я заметила, как какая-то пьяная девица сорвала с себя купальник…

Но тут я почувствовала жжение на своей коже. Сначала на щеках, потом на ключицах. На груди. Бросив взгляд в сторону источника жжения, ужаснулась. Как такое возможно?

Этот гребанный Саадат настолько горячий, что даже его взгляд на себе чувствую.

Но когда я повернулась в сторону «Повелителя мира», и посмотрела на то, чем он занимается, осознала насколько глубоко заблуждаюсь. Этот парень даже бровью не ведет в мою сторону.

В легких вдруг закончился воздух, когда я кинула взгляд на его, промокшую насквозь, белую футболку. Видимо, искупался на радость тупым курицам.

Кожа на его руках, загорелая, цвета какао с молоком, покрыта татуировками. А через белую футболку, что просвечивала от воды, я могла разглядеть и рисунок под его грудью. Не уверена в том, что вижу детали, но думаю это… круг. И что-то на груди. На одной стороне – будто строчки, а на другой нечто, напоминающее оскалившегося тигра…

Перестань смотреть на него.

Но Джаред притягивал взгляд. От него исходила бешеная и горячая энергия, от которой мое тело то напрягалось, то, наоборот, испытывало такую слабость, что подгибались колени. Не знаю, подмешали ли мне Эйп с Сэм что-то в сок, потому что обычно я контролировала это чувство.

Я никогда не рассматривала спортсменов. Всегда отводила взгляд в сторону… а тут, просто впилась в кубики его напряженного пресса, перешла на руки. Все западают на таких.

Высокий, загорелый и поджарый. Стройный, и в меру накачанный.

Жаль у этой красивой книги, под названием «Арабский принц» очень гнилое содержание.

Наконец, мой слегка рассеянный разум начал видеть всю картину: Джаред восседал на кресле, словно греческий Бог. На одном подлокотнике сидела девушка в черном бикини, которое не оставляло места для воображения, а по другую сторону – но уже на его колене сидела еще одна. И она терлась о его мускулы, руки и плечи… грудью.

Кровь прилила к моим щекам, когда я заметила, как он грубо сжал ее задницу, ерзающую на его коленях, и одарил девушку презрительным, и в то же время похотливым, взглядом.

Всего лишь на секунду, я представила, как подобное отношение оскорбило бы меня. Я мгновенно почувствовала жар в руках и ногах. В помещении стало так

душно, что каждый вдох давался с трудом.

Мне точно ничего не подмешали в сок?

Я вытерла шарфом лоб, понимая, что-либо я простудилась, либо Саадат убивает своей энергетикой наповал. Лучше уж первое, чем признаться в том, что я поддаюсь его влиянию.

Я снова кинула на него взгляд. Нет. Он на меня не смотрел. Я заметила, как Джаред, время от времени, окидывает зал медленным, но пристальным взглядом. Но в мою сторону его Величество либо не смотрит, либо не останавливает взгляд.

Я для него – пустое место.

И обычно это меня не задевало, но сейчас, когда я чувствую в душе какую-то необъяснимую бурю и подъем сил, мне хочется врезать ему просто за то, что он настолько самолюбив. И незаслуженно красив. И невероятно сексуален. Нет, это не я подумала. Просто эмоции вышли из-под контроля. Ведь будь Саадат обычным парнем, он бы, наверное, перестал делать все эти ужасные вещи, о которых я слышала из многочисленных сплетен…

– Мэл, все в порядке? – Томас появился передо мной так внезапно, что я испугалась. Еще в начале вечеринки, он ушел играть в бильярд с ребятами. – Ты какая-то напуганная, – Томас заботливо обхватил меня за плечи. Одной рукой потрогал лоб, а после приложился к нему губами. Очень нежно и трепетно.

Я даже начала таять. Иногда заботу Томаса было очень приятно ощущать. С ним, по крайней мере, я чувствовала себя в большей безопасности.

Я посмотрела в его карие глаза, цвета крепкого кофе, и загляделась. Что-то со мной было не так, мир словно кружился вокруг. На всякий случай я поставила стакан с соком на одну из столешниц и позволила Томасу прижать меня к себе ближе.

Держать меня.

– Девочка моя, – прошептал Том, пройдясь губами по мочке уха. Мое тело словно объяло пламенем, но не от слов и касаний Томаса… я смотрела, на то, как Джаред в эту же секунду шепчет что-то одной из девушек. Лицо его отображает голод и неприкрытую злобу. Желваки играют на высоких скулах. Его ладонь ползет по оголенному девичьему животу, в то время как ее рука опускается по кубикам пресса. Ниже. Рука девушки замирает на его члене.

– Том…

– Зачем ты пришла сюда? Ты же не любишь такое.

– Эйприл и Сэм настаивали. И я решила…

– Глупенькая. Ты пила что-нибудь?

– Просто сок… – голос мой звучал несколько заторможено.

– Давай я отвезу тебя домой, – его губы были по-прежнему у моего уха. Я смотрела на то, как ноздри Джареда раздуваются от злости, причины которой я не знала. Смотрела и снова отводила взгляд.

Глядела и вновь опускала глаза. Он был как чертов магнит, на который мне приказали не смотреть.

– Том, нет, не надо. Сэм сейчас изнасилуют, а Эйприл… напилась и завтра ее голые фотки разлетятся по всему Йелю. Я не могу оставить их, давай тогда и девочек заберем?

– Мэл, я скорее поверю в то, что это Сэм кого-нибудь изнасилует, ну а Эйприл… расслабляется, как может. Их отсюда не выгонишь до шести утра. Пойдем домой?

Мысль о том, чтобы остаться с Томом наедине в своей комнате, без девочек, мне не понравилась. Слишком интимно. Знаю, он не будет ко мне приставать, но заведет «серьезный разговор» о наших отношениях, или попытается начать гладить меня в тех местах, где мне бы не хотелось чувствовать его прикосновения.

– Нет, нет. Мне нужно в туалет. И просто прилечь. Тут есть комната? Тихая. Я полежу ровно пятнадцать минут и спущусь к девочкам. Я больше не буду пить сок… он странный на вкус. Не сразу заметила, – прикладывая тыльную сторону ладони к щеке, шепчу я. Перед глазами все расплывается.

Все, кроме Джареда.

– Ну конечно есть. Пойдем, Мэл, – Том начал придерживать меня рукой, пока я поднималась по лестнице. Ноги почему-то не особо слушались. Я чувствовала, что Томас достаточно сильный. А я и не замечала, что у него тоже неплохое тело…

Что за вечер то такой? Пялюсь на мужские торсы, как на куски мяса. Это все пагубное влияние девочек.

Нужно было остаться дома с книгой!

– Тебе помочь? – Том остановился у входа в уборную. Я закусила губы, глядя на его лохматые черные волосы. Нос с небольшой горбинкой. Губы – тонкие, но с красивым изгибом. И ресницы у Томаса – мечта любой девочки – черные, длинные и густые. Вкупе с темными глазами выглядят так, что утонуть можно.

Или мне сегодня так кажется.

– Нет, я сама справлюсь, Том. Понимаешь? Мы с тобой, конечно, близкие друзья, но не настолько, чтобы я при тебе в туалет ходила, – шучу, и даже хихикаю, словно в меня вселилась Эйприл. Черт. Нужно привести себя в порядок.

– Хорошо. Буду ждать тебя здесь.

– Ты никуда не уйдешь? Обещаешь? – я вдруг беру его за край футболки. Тянусь к лицу Тома, слегка касаясь губами его губ. Это мимолетное касание, невинное. В нем, наверное, вся моя сущность… По крайней мере, я так думаю, но на большее я не способна.

Томас срывает шарф с моей шеи.

– После такого, я точно никуда не уйду, – клянется Том, и я вижу искры счастья в его глазах.

На самом деле, мы с Томасом никакие не друзья. Если не считать отсутствия интимных отношений, мы уже давно настоящая пара.

Я же хотела это сделать с тем, кому доверяю. С тем, кто уважает меня. Почему бы не с ним? Может, девочки правы, и секс – это просто тренировка? Так может мне нужно попробовать что-то новое? Ведь Том удивительный. Какая же я была глупая.

Считала, что его слишком много. Он носится со мной, как с ребенком. И это безумно мило. Он никогда меня не бросит и не предаст, он парень, проверенный годами. Что еще нужно для счастья?

Мы с Томасом давно не друзья, и я думаю, нашим отношениям действительно пора стать чем-то большим. Я готова.

Решусь на это ближайший месяц. А пока хватит поцелуев.

Я умываюсь холодной водой. Промакиваю ключицы и шею сухими салфетками, потому что мне ОЧЕНЬ жарко. Кардиган пришлось расстегнуть на три пуговицы.

Не знаю, сколько времени провожу в туалете, но чувствую, что долго. Время словно изменило форму. Мне кажется, я была в туалете пару минут, а на деле уже минимум пять разных треков слышала. И даже подпевала.

Что-то мне подсказывает, что сделай я хоть на пару глоточков «сока» больше, я бы превратилась просто в «тело». Черт, забыла, что нужно всегда прикрывать стаканчик рукой, как учили подруги.

Я немного посидела на бортике ванной, чувствуя, как сердцебиение становится более-менее ровным. Нужно проваливать отсюда. Придется упросить Эйприл и Сэм. Скажу им, что плохо себя чувствую и хочу домой. Заодно и проверю, какие они «подруги». Если уйдут со мной, значит на них можно положиться.

Выхожу из комнаты в длинный коридор, по разным сторонам которого зажимаются парочки. Меня коробит от такого. И где же Томас?!

– Том! – иду вдоль темного коридора, нервно озираясь по сторонам – гляжу на красивые пейзажи на картинах, которые совершенно не вписываются в логово для тусовок. – ТОМАС! – зову я, не понимая куда он ушел, если обещал ждать меня. Чем дальше я иду, тем отчетливее становятся мужские крики… или стоны. Трудно понять, боль это или удовольствие. То ли парня избивают, то ли он такой эмоциональный.

Я хочу вернуться назад к туалету, чтобы подождать Тома там, как вдруг…

Ужас сковывает все мое тело. Сердце словно взлетает до горла, а потом падает в пятки. Я хочу закричать, когда кто-то обхватывает меня сзади, прижимая к твердым и напряженным мышцам.

– То… – рука мужчины грубо зажимает мой рот ладонью, а на своих веках я чувствую шелк того самого платка, который отдала Тому. Глаза завязывают на затылке, что совсем не похоже на Коулмана, но, судя по всему, это он.

Можно вздохнуть с облегчением.

Слышу, как музыка стала тише, позади меня и Тома хлопнула дверь. Мы, по всей видимости, оказались в укромном месте. Я чувствовала себя слепым котенком с шарфом на глазах.

Рука парня опускается с моего рта на подбородок, с силой его сдавливая. Большой палец похитителя медленно скользит по моим губам, пока я жадно глотаю воздух. Медленно, изучающе… слышу его выдох с надрывом у своего уха, отчего тут же покрываюсь мурашками.

Боже. Кажется, между мной и Томасом наконец-таки вспыхнула настоящая страсть. Я почувствовала жар внизу живота и произнесла:

– Том, что ты делаешь… Томас!

– Этот молокосос не способен на такое, – меня словно ушатом ледяной воды окатили, когда я поняла, что голос, а точнее, тот самый баритон с хрипотцой принадлежит не Томасу.

Джаред.

Я хотела завизжать, но инстинктивно закрыла рот, потому что прекрасно знала, где его пальцы окажутся, если я открою губы. Боже, что ему нужно? Он же прекрасно проводил время с двумя девицами, что ему нужно от девушки, которую он считает пустым местом?! Которую даже не замечал никогда?

Вдруг руки Джареда опустились на мою талию, и с остервенением рванули кардиган так, что пуговицы полетели на пол и со звоном покатились по сторонам. Он приложил ладони к моей груди и до боли сжал ее… настолько грубо и по-собственнически, что я чуть не задохнулась от шока и подобного обращения.

– Руки убери! – я начала вырываться, успев стянуть с себя повязку. Взгляд лихорадочно изучал помещение. Мы… в домашней библиотеке. В просторном зале, где можно затеряться среди нескольких рядов с книгами.

Ирония судьбы. Я все-таки проведу этот вечер с книгами, да только вряд ли Джаред затащил меня сюда, чтобы я прочла ему сказку.

– Что тебе от меня нужно? – выдыхаю, сраженная его силой. Хочу ударить ублюдка, но Саадат быстро разворачивает меня к себе. Сцепляет запястья за моей спиной почти на уровне бедер, и, не жалея сил, припечатывает к полке с книгами. Один из томиков больно упирается мне в лопатку, но я бы с радостью прошла сквозь книги, лишь бы не соприкасаться с ним телами.

Гляжу в лицо этого горячего, как раскаленный металл, парня – хищный оскал, порочные губы застыли в дьявольской усмешке. «Попалась». Ноздри раздуваются от злости и возбуждения, а серые глаза выжигают на мне узоры и метки, опаляя кожу.

Судорожно выдыхаю. Просто дыши. Он ничего не сделает, против твоей воли. Он же не насильник… правда?

– А ты не догадываешься? – обволакивающим шепотом процедил сквозь зубы Джаред прямо около моих губ. – Мне не нужно. Я – хочу. И забираю, – его бедра толкаются в мой живот, и я чувствую его желание. Содрогаюсь от шока, страха и предстоящей неизвестности.

Ублюдок. Просто самоуверенный ублюдок. Он думает, я одна из тех давалок, что он меняет чаще, чем простыни на постели? Ошибаешься, Саадат. Тебе не обломится.

Джаред ослабляет хватку, чтобы сильнее вжать меня в книги. От его напора полка пошатнулась, и я услышала, как несколько книг полетело на пол. Это же святое…

Понимаю, что его нужно отвлечь, приоткрываю губы, надеясь, что выгляжу соблазнительно. Выдыхаю так, чтобы из груди вырвался тихий и короткий полустон. Рука Джареда скользит по моим волосам, его губы приближаются к моим…

– Платина… – шепчет он, и я делаю последнюю попытку, прежде чем осуществить то, о чем так давно мечтала.

– ОТПУСТИ МЕНЯ! Я обращусь в полицию! Клянусь! Если ты что-то сделаешь со мной, я напишу на тебя заявление! – отчаянно предупреждаю я, нащупывая одной рукой книгу.

– Да хрен тебе, малышка. Через пять минут сама на мне скакать будешь, – подобная грубость возмущает меня, и я не выдерживаю. В состоянии аффекта, я уже даже страха не испытываю.

Поднимаю руку с толстенной книгой и ударяю его по лицу. Голова Джареда немного отклоняется в сторону от приложенной силы удара. Конечно, это не тот удар, который он заслужил. И Саадат по-прежнему держит меня, прижимая своим сильным телом к стеллажу. О, Господи, мне безумно страшно. Я никогда не чувствовала мужское возбужденное тело так близко. Тяжело дыша, изумленно смотрю, как он поднимает на меня свой, мерцающий серебряным гневом, взгляд.

Глаза Джареда вспыхивают жаждой и злостью раздразненного зверя. Кривая ухмылка раздвигает жестокие чувственные губы.

– Так даже интереснее, сучка. Я могу не сдерживаться. Ты сама напросилась.

– Нет, – кричу я, когда его рука грубо забирается мне под юбку. Я дёргаюсь из последних сил, отчаянно сопротивляясь. Но он сильнее. Я чувствую, как он сдирает с меня белье. Раздается характерный треск и его удовлетворенный насмешливый смех. Ужас сковывает меня, но я не поддаюсь, и, замахнувшись, со всех сил ударяю Джареда по щеке. Моя ладонь горит от удара и соприкосновения с его кожей.

А потом наши взгляды снова встречаются. Прозрачная сталь, из которой исчезло все человеческое.

И я поняла: пощады не будет.

Джаред

Не могу поверить, сука ударила меня. Меня! На щеке горит отпечаток ее ладони. Все вокруг окрашивается в алый цвет. От переполняющей меня ярости я теряю способность связно мыслить и контролировать свои действия. Я вижу перед собой простую шлюху, нищую девку, которая посмела поднять на МЕНЯ руку. Вместо того, чтобы радостно раздвинуть ноги и благодарить за то, что у меня, вообще, на нее встал.

Ей пи**ц.

И это уже не предупреждение. Это ее гребаное будущее.

Каждая мышца моего тела напряжена до предела от охватившей меня похоти и неконтролируемой ярости. Мне стоит огромных сил сдерживать себя от желания выбить из нее душу, закончить ее жалкую жизнь здесь и сейчас. Если бы шлюха ударила меня в моей стране, я мог бы устроить публичную казнь, и никто бы не осудил мои действия.

Делаю шаг назад, окидывая перепуганную, застывшую в ужасе сучку презрительным взглядом. Ее дешевые скучные разорванные трусики я швыряю ей прямо в лицо и, замахиваясь, отвешиваю тяжелую пощечину. Сдавленно вскрикнув, девушка летит вдоль стеллажа, хватаясь за полки, в отчаянной попытке удержать равновесие. С грохотом на пол летят книги, а через секунду в обратную сторону опрокидывается стеллаж.

Мелания падает на спину и пытается отползти, используя локти, но опрокинутый стеллаж преграждает ей путь. Меня не волнует беспорядок, который я учинил. Мне просто похер. Я не вижу ничего вокруг, кроме пытающейся уползти от меня маленькой сучки, ее аквамариновые глаза полны животного ужаса, кожа выглядит настолько бледной, что кажется прозрачной. Ее юбка задралась выше, предоставляя мне отличный обзор на ее интимные места. Мне уже невыносимо тесно в джинсах. Никогда не думал, что меня может завести подобная возня на полу среди разбросанных книг с девкой, которая меня не хочет, а должна хотеть. Должна, черт возьми. Проверенные препараты, добавленные в ее напиток, не могли не подействовать. Я видел, что она пила сок. Б**ь, шлюшка чуть не дала Коулману прямо на танцполе, жалась к нему, как последняя… А потом еще и целоваться сама полезла. Если бы он зашел за ней ванну, то сомневаюсь, что ему пришлось бы ее долго уговаривать. Сука, да как она может предпочесть этого слизняка мне?

– Ты готова к самому интересному, крошка? – задыхаясь от мощной волны похоти, спрашиваю я, понимая, что никуда она теперь от меня не денется. Ее глаза становятся просто бездонными, когда я расстегиваю ремень на джинсах, опускаясь коленями на пол. Хватаю ее за лодыжки, дергаю на себя. Она визжит от ужаса, и мне ничего другого не остается, как заткнуть ладонью ее грязный, маленький рот. Второй рукой я дергаю ее майку, разрывая на две части.

– Молчи, сучка. Уверен, что ты такого даже не видела, – мрачно смеюсь ей в лицо, издеваясь и дразня. Дергаю вниз ширинку. Она мычит, отчаянно сопротивляясь, по щекам текут слезы. Я умоляю, это просто смешно.

– Хватит ломать комедию. Я потом заплачу тебе за испорченную одежду и за секс. Прекрати визжать, – рычу я на нее, задирая вверх юбку, и раздвигаю коленом судорожно сжатые ноги. Мелания кусает меня за ладонь, когда я немного ослабляю хватку и мне приходится снова дать ей несильную пощечину. Черт, она совсем дикая. До крови прокусила. Я даже не чувствую боли. Точнее, она только подстегивает мое возбуждение. Наваливаюсь на девушку всем

телом, игнорирую ее попытки вырваться. Облизывая пальцы, провожу ими по беззащитной перед моим натиском промежности.

– Умоляю, Джаред, не надо. Отпусти меня, – отчаянно шепчет она, с безумным ужасом глядя на меня.

Я толкаю пальцы в узкое лоно, и она дергается и кричит так, что я на время теряюсь.

– Тихо, б**ь, – яростно шиплю на нее, доставая пальцы из сухой промежности. Черт… Она продолжает визжать и звать на помощь, и я хватаю ее за скулы, заставляя смотреть в мои глаза. Отблески сознания медленно проникают в мой затуманенный одержимой похотью разум.

– Заткнись, я сказал, – приказываю я властным тоном. Она на мгновение замирает, не моргая глядя на меня. Мои пальцы наверняка оставят синяки на ее коже. Нежной, прозрачной коже, которой я любовался бесконечное количество раз. Уголок ее губы кровоточит, щека, по которой пришлась первая пощечина, опухла и уже начала приобретать сиреневый оттенок.

С ужасом смотрю на свои руки, на бледное лицо, залитое слезами. Я все еще хочу ее, но не так, чёрт возьми. Не так.

Я никогда не бил женщин. Унижал, использовал, смеялся над ними.

Но не бил.

– Ты вынудила меня, – бросаю обвинение ей в лицо.

Мелания внезапно оживает, охваченная гневом, изворачивается и бьет мне коленом в пах. Мы снова боремся, но я уже контролирую силу. Просто уклоняюсь от ударов, стараясь не причинить ей боль. Черт, мне даже жаль, что все вышло так…

– Ненавижу тебя. Ты сядешь, ублюдок. Обещаю. Ты заплатишь за то, что сделал.

– Я еще ничего не сделал, – все мои благие намерения исчезают, стоит ей открыть свой рот. Я зажимаю ее запястья, вытягивая их над головой, блокирую девушку свои телом. – Умоляй меня, ну же, давай, – смеюсь я в искаженное болью и гневом лицо. Она тяжело дышит, и мой взгляд опускается на красивую грудь девушки с острыми розовыми сосками. Она совершенна, черт возьми.

– Пошел к черту, тварь, – с презрением бросает мне этот ангел. Я делаю характерное движение бедрами, давая ей почувствовать, что от полного проникновения ее спасают только мои, не до конца спущенные, джинсы. Я хочу увидеть ее страх, капитуляцию, смирение. Покорность.

– Умоляй, – повторяю я, снова двигаясь между ее раскрытых ног. Для меня это мучительная пытка. Она даже не представляет насколько я близок к тому, чтобы переступить последнюю грань.

– Я надеюсь, что в тюрьме тебя трахнут в задницу, ублюдок.

Что, б**ь? От изумления у меня пропадает дар речи. Никто и никогда не говорил со мной таким образом.

– Вижу, ты решила выбрать, куда я трахну тебя в первый раз, малышка, – произношу я срывающимся от ярости голосом. Мои пальцы сжимают аккуратную красивую грудь, щипая за розовый сосок. Я наклоняюсь, чтобы попробовать на вкус этот прекрасный бутон, но в этот момент дверь в библиотеку с грохотом распахивается.

Первым влетает Том Коулман. По моим подсчетам он должен сейчас ползти в общежитие в кампусе, чтобы зализывать раны.

– Отпусти ее, Саадат, – он бросается на меня сзади, но я успеваю заметить, что лицо его покрыто синяками и ссадинами. Видимо, любовь сильнее боли. Мне хочется рассмеяться над абсурдностью происходящего. Какого черта я вообще с ними связался? Парочка идиотов, не стоящих моего внимания.

Выпрямляясь, я продолжаю удерживать под собой хрупкое тело девушки. Почувствовав поддержку, она начала сопротивляться сильнее. Но куда ей справиться со мной? Блокирую все ее попытки освободиться, не прилагая особых усилий. Немного смещаюсь и теперь просто сижу на ней со спущенными

штанами, как полный придурок. Коулман осыпает мои плечи ударами, но я их даже не ощущаю, пытается оттащить меня от девушки, но бесполезно.

– Твой герой пожаловал, – насмешливо говорю я, прерывисто дыша, и глядя в ненавидящие меня голубые глаза.

– Отвали, – выкидывая вправо одну руку, я отшвыриваю ее спасителя, как щенка, в сторону. Обхватываю ладонью шею девушки, привлекая к себе, и жестко целую в губы. Быстрый, стремительный поцелуй, как демонстрация моей полной власти над ней. Она сладкая. Ощущаю на языке металлический привкус крови и, разрывая поцелуй, шепчу ей прямо в ухо.

– Я все равно тебя поимею, meligim (тур. Мой ангел).

– Джаред, отпусти девушку, – произносит резкий голос справа от меня. Я резко поворачиваю голову. Мэтт Калиган.

– Том, отойди на хрен, не трогай его, – орет он на Коулмана, который снова тянет меня сзади за футболку. Вреда от него, как от мухи.

– Джар, – снова обращается ко мне Калиган, приближаясь на пару шагов. – Джар, кто-то вызвал полицию, когда раздался грохот и крики. Тебе нужно уходить.

Я пристально смотрю в встревоженное лицо Мэтта, а тот в свою очередь оценивает ущерб, принесенный библиотеке, а потому уже – девушке, которая неожиданно притихла, хлопая своими длинными ресницами. Потом изумленный, недоумевающий снова на меня.

– Что на тебя нашло, черт возьми? – ошарашено спрашивает Мэтт, пялясь на Меланию, точнее на ее обнажённую грудь, которую ей нечем прикрыть. Я уничтожил ее одежду. Не знаю, что на меня находит…, но я стаскиваю с себя футболку через голову и грубо натягиваю на нее. Резко встаю на ноги, оставляя девушку лежать на полу. Моя футболка полностью скрывает ее тело от посторонних взглядов. Стоило мне отойти, как малохольный Том Коулман бросился к своей потрепанной возлюбленной.

– Мэл, боже, мне так жаль. Прости, что меня не было рядом. Эти ублюдки напали на меня. Маленькая… что он сделал? Что? – спрашивает Том, разглядывая видимые повреждения на лице подружки. Она молчит, не сводя с меня пристального взгляда, полного ледяной ненависти.

Я криво ухмыляюсь, небрежно пожимаю плечами и подтягиваю джинсы, застегивая ширинку.

Том бережно держит в ладонях ее лицо, с синяками от моих пальцев, нашептывая всякие утешительные слова. И у меня внутри снова вспыхивает пожар неконтролируемого гнева. Меня тошнит от них. Сжимая челюсти, делаю шаг в направлении сладкой парочки, но Мэтт дергает меня за руку в сторону коридора.

– Давай, уходи, Джаред. Потом поговорим. Нельзя, чтобы полиция застала тебя в таком состоянии… рядом с ней.

Я бросаю на Меланию последний взгляд и поднимая руку, тыкаю пальцев в ее строну.

– Я сказал, meligim. Это будет, – мрачно обещаю, прежде, чем выйти из библиотеки.

Я успеваю уехать до приезда полиции, по дороге прихватываю первую попавшуюся под руку блондинку. И ее не приходится просить дважды. Счастливая девушка прыгает в мой серебристый Астон Мартин. Машины с мигалками попадаются нам, когда мы уже отъезжаем от дома Мэтта. Я врубаю динамики на полную громкость, разгоняюсь до двухсот, и гоню к дому сквозь пустынный ночной город на бешенной скорости. Блондинка рядом пищит от восторга. Жизнь налаживается, черт побери.

Дома все происходит по банальной, изученной и затертой до дыр, схеме. По крайней мере, должно было произойти именно так: минет, шампанское, минет, такси для блондинки, горячий душ, сон. Иногда я их даже не трахаю. Не интересно.

Девушка уже подходила к самой интересной части своего приятного для меня занятия, когда в дом ворвались люди в масках.

Я снова со спущенными штанами, трудолюбивая девушка с моим членом во рту, стакан с виски в руке. Я не понимал, что происходит, когда на меня надевали наручники и заталкивали в машину. Слишком много эмоций и алкоголя для одного дня. Помню, я пытался ударить одного из комиссаров, и даже ударил, заявляя, что я не являюсь гражданином их страны и не подчиняюсь их тупым приказам. Меня сразу скрутили, щелкнув на запястьях железными браслетами.

В машине я сыпал угрозами и призывал гнев Аллаха на их голову, хотя к любой религии отношусь скептически. Слишком много читал разных книг в юности, в отличии от моих узколобых братьев.

Мне никто ничего не стал объяснять. Отняли телефон и личные вещи, затолкали в камеру с койкой, приказав ждать вызова на допрос. Я не стал мучать свою голову предположениями. Завалился на узкую постель и мгновенно вырубился.

Глава 3

«Некоторые раны нельзя вылечить. Наши шрамы – это наша сущность, а без них нас просто нет.»

Страшные сказки

Две недели спустя

Мелания

Его серебристые глаза горят безумием и смотрят мне прямо в душу.

«Я все равно тебя поимею, meligim.» — ядовитый голос из воспоминаний пульсирует в висках, повторяется эхом, вселяя в меня ужас.

Я чувствую его ладони на моем теле. Грубые, дикие, будто он – кровожадный зверь, жаждущий разорвать мне глотку, но перед этим поиграть со своей

жертвой.

– Не надо! Пожалуйста! Не надо! – кричу я, и подпрыгиваю на кровати, обнимая колени. Просыпаюсь. Моя сорочка прилипает к телу, провожу рукой по влажным волосам, откидывая их на спину. Содрогаюсь, вспоминая как грубо его пальцы врывались внутрь моего тела…

Ублюдок.

– Мэл, опять кошмар? – сонно шепчет Сэм, которую я разбудила своими стонами и криками. Одариваю «подругу» равнодушным взглядом и отправляюсь в душ, не в силах терпеть обилие пота на своем теле.

И грязи. Грязи, которую оставил ОН.

Еще никогда в жизни я не чувствовала себя настолько униженной. Я даже представить не могла, что со мной случится такое. Как мерзко было лежать под ним, зная, что он видит меня обнаженной, и может сотворить с моим телом все, что угодно.

Помню его глаза, затуманенные пеленой похоти, рассматривающие меня, словно я не личность, а просто тело.

«Вижу, ты решила выбрать, куда я трахну тебя в первый раз, малышка.»

Боже, нет. Его зловещий голос будет преследовать меня, где бы я ни была. Эти похабные прикосновения. Кто-то, возможно, посчитал бы такое поведение страстью и одержимостью, но, по-моему, Саадат просто животное. Зверь, для которого я была пустым местом, и вдруг такое…

Сбылась моя мечта его отшить, да только совсем не так, как я себе это представляла.

Вода стекала по моему телу, и раз за разом я проходилась по коже мочалкой, с жалостью глядя на свои синяки – следы от его болезненных и грубых касаний.

Господи. Что происходит с этим миром? Где любой высокомерный ублюдок может за пять минут запятнать меня?

«Мелания, никаких мальчиков до двадцати одного года. Ты еще недостаточно взрослая! Я не хочу, чтобы о моей дочери говорили, что она недостойно себя ведет!» – раздается в голове голос Эдварда.

Для многих девчонок случившееся было бы ерундой. Я сама пришла на вечеринку, сама выпила… сок, зная, что в таких местах вообще не стоит прикасаться к напиткам. Сама нашла себе приключений на задницу, поддавшись на уговоры подруг.

Я должна была предвидеть, что один из пьяных ублюдков вполне может начать приставать ко мне, и, отчасти, виновата сама. Девушкам с моими взглядами просто не место в таких местах, но я не думала, что первая же вечеринка в моей жизни обернется таким кошмаром.

Он напугал меня. Напугал настолько, что сердце громыхало в висках, запоминая и внимая каждое действие Джареда, которое я едва ли когда-то забуду. Он хотел взять меня на разок… как одну из дешевок, которые прыгают в его постель.

Неужели я похожа на такую? Как он там сказал?

«Через пять минут сама на мне скакать будешь.»

Каким таким действием я дала ему понять, что я девушка на одну ночь?!

С отчаянием смотрю на свое отражение в зеркале душевой кабины. Я, наоборот, всегда держусь тихо и отстраненно. Достойно. Я хотела любви, настоящей. Как в многочисленных романах, которые я читала… Маргарет Митчелл, Джейн Остин.

Но реальность меня не пощадила и спустила с небес на землю, при помощи мощного пинка от Джареда Саадата.

Настоящих мужчин нет. Меня еще долго будет тошнить от всех них, включая Тома, который ни в чем не виноват… но все же. Неужели и он в своих мыслях не

раз проделывал со мной подобное? Неужели они все такие?

Или это со мной что-то не так?!

Это ненормально – хотеть настоящей любви, а не убогого перепихона на вечеринке? Я просто считаю, что скакать на всех подряд, когда тебе нет еще и двадцати, не повод для гордости.

Как бы там ни было, я такая, какая есть, и поступок Саадата опустил его в моих глазах на самое дно. В глубине души, я все равно выделяла ЕГО среди других, несмотря на раздражение, которое он вызывал… А на деле Саадат оказался мерзким насильником, который решил, что ему все можно.

Думая обо всем этом, я вытираю слезы и капли воды на моем лице. Жмусь к плитке, замирая с мочалкой в руке. Плечи трясутся от воспоминаний.

Я чувствую себя дешевой, обесцененной.

Чувствую себя грязной, и никакой душ не может очистить пятно на моей душе, которое оставил Джаред.

Слава Богу, ему не удалось довести дело до конца. За это действительно стоит поблагодарить небеса.

Как вспомню, как он смотрел на мою грудь, так вздрогну.

По телу побежали мурашки, его дыхание будто вновь опалило мою кожу, и его бедра врезались в мои…

Все, не могу больше. Я хочу закончить думать о нем, но не могу. Потому что после случившегося, я еще несколько часов проторчала в его футболке. Наверное, аромат его тела я запомню на всю жизнь. И каким бы приятным он ни был, он рождает в мне страх. Для меня это было слишком интимным жестом (то, что он прикрыл меня своей гребаной футболкой). И неправильным.

Что еще за идиотский акт «заботы» с его стороны? Прикрыл меня, черт возьми, от всех. Настоящий собственник. Мерзавец.

Куда приятней было наблюдать за ним раньше, издалека, ведь Саадат вызывал во мне… сильные чувства. Да, казалось, что они были негативные… но очень яркие. Наверное, это инстинкт. Часть меня хотела, чтобы именно со мной Джаред сломал свой привычный уклад поведения с девушками, начал ухаживать. Дарить подарки, добиваться моего драгоценного внимания. Я бы хотела быть той единственной, с которой он – другой. И, может быть… если быть совсем откровенной, я мечтала об этом. А теперь Саадат вызывает лишь отвращение.

– Мэл, ты в порядке? – когда я выхожу из душа, Сэм сидит на кровати и глядит на меня с беспокойством. Я не нуждаюсь в ее заботе. С того самого момента, как моих «подруг» допросили в участке, я не желаю с ними разговаривать.

А я, конечно, подала заявление на этого ублюдка, как ему и обещала. Не собиралась сидеть и молчать, быть девочкой для битья… и еще больше я боялась, что подобное может повториться, поэтому хотела, чтобы Саадат ответил по заслугам. Если не тюрьма, то, как минимум, депортация из МОЕЙ страны. Я хотела, чтобы его здесь не было.

И Эйприл, и Сэм, от которой я уж точно не ожидала предательства, являлись свидетельницами по моему делу. Обе «подруги» не дали никаких конкретных показаний против Саадата. Я понимаю, они не могли видеть всего, что произошло в библиотеке, но по грохоту наверху и моим словам все было ясно. Ни девочки, ни другие свидетели, которые точно видели, как Джаред завязывает мне глаза платком, не подтвердили моих слов.

Для полиции все выглядело так, будто я эту историю выдумала, чтобы досадить Саадату. Или содрать с него денег, поскольку мое материальное положение и высокая стоимость жизни в кампусе Йеля всем прекрасно известны.

И не было никого, кто мог бы мне помочь… как-то подтвердить, что попытка изнасилования вообще была. Кто-то очень постарался ради того, чтобы ситуация выглядела так: я малолетняя шлюшка, которая сама полезла к Джареду и соблазняла его, как последняя дешевка.

Но самое жуткое случилось вчера, когда я окончательно поняла, что все эти две недели мучений и мое заявление не имели никакого смысла. В ту ночь полиция прибыла на место мгновенно, и следующие сутки стали для меня кошмаром и

хаосом из беготни по участку и врачам, которые снимали побои на моем теле, брали анализы крови. Все было как в тумане, я пребывала в полнейшем шоке, и меня трясло просто от воспоминаний о случившемся…

Я думала, что отметины на моем теле будут служить прямым доказательством вины Саадата, но нет… более пяти свидетелей подтвердили версию Джареда и его друзей о том, что ударил меня Том. Моя личная трагедия превратилась в официальную историю о том, как Том завел меня наверх и избил, когда я вышла из ванной. Все представили так, словно Томас – мой парень, приревновавший меня к парням на вечеринке. К тому же, в моей крови обнаружили алкоголь и наркотические вещества (понятия не имею, что за «чудо-сок» это был), но благодарна за то, что я сделала лишь пару глотков…

Кто знает, что бы случилось, если бы я выпила больше. Может, под воздействием кайфа, я бы сама умоляла Джареда сделать это со мной. И тогда уж, я бы точно никогда не отмылась.

– Мелания, пожалуйста. Поговори со мной! Опять приснился кошмар? – допытывалась Сэм, очевидно чувствуя вину за то, что не поддержала меня. Я опустилась на подушку, отвернувшись к стене, но Сэм не собиралась сдаваться.

– Мэл, ну что такое? Так и будешь молчать и дуться?

Я не выдержала.

– Дуться?! Этот ублюдок мог бы изнасиловать меня, он бил меня… и говорил такие ужасные, низкие вещи, – всхлипнула я, закрывая лицо руками. – А вы! Мои подруги… Боже, зачем вы вообще меня позвали?

– Дорогая, успокойся, – мягко попросила Сэм, пытаясь обнять меня. – Что они сказали вчера?

– Что – что! – озлобленно передразнила я, садясь на кровати. – Что никакого изнасилования не было, потому что я девственница!

– Но ведь это правда…

– Но он ХОТЕЛ сделать это, и ты сама прекрасно видишь, как он со мной обращался! – я провожу пальцем по своим синякам, демонстрируя их Сэм. – Во всем обвинили Тома! Будто он избил меня, чего я вообще не понимаю. Этому Саадату все сойдет с рук, и это самое обидное, понимаешь?! – потянула себя за волосы, стараясь собраться с мыслями и справиться с новой порцией боли.

– Что? Обвинили Тома? Но как такое возможно?

– Нет никаких видео подтверждений моим словам, поэтому все решают свидетели. Все свидетели говорят, что ублюдок меня не трогал, а вот я всячески к нему приставала! Какая-то девица утверждает, что Саадат весь вечер был с ней, и они ушли вместе еще до того, как Томас избил меня. И все они, в том числе и вы, мои подруги, ни слова не сказали в мою защиту. Выставили все так, словно я шлюха!!! Уму непостижимо! Я?! Боже, тебе ли не знать, Сэм, какая я… почему ты промолчала?! Почему ничего не сказала полиции?! – недоумевала я, глядя на Сэм, кусающую губы.

– Мэл, прости… а что я должна была сказать? Я сама находилась в неадекватном состоянии. После того, как узнала о случившемся от тебя, я решила, что ты напилась и действительно начала приставать к Джареду. А почему бы и нет? Ведь алкоголь действует именно так, даже на таких тихонь, как ты. И, если честно, я до сих пор не верю в то, что Джаред вдруг из всех девушек на вечеринке, докопался до тебя… ты уверена, что все так и было? Может, ты правда перебрала?

Мне захотелось ударить подругу. Хотя винить ее было не в чем – Сэм отчасти права. Во всем виновата моя глупость, и факт моего присутствия на этом мерзком сборище, где все просто пьют и трахаются.

– Ты издеваешься или действительно так думаешь? – я ударила кулаком по одеялу, и Сэм вздрогнула, глядя на меня так, будто не узнает.

Все верно, Сэм. После этого случая, я больше никогда не буду прежней.

– Просто… в ту ночь, когда все произошло, я правда была занята… эм… ну ты меня знаешь. Обычно у меня везде глаза и уши. Но я просто потеряла голову, из-за него…

– Из-за кого? Из-за парня, который вжимал тебя в ближайший угол, чтобы оттрахать ночью и бросить на утро?

– Мэл, ну зачем ты так, – Сэм нервно заправила выбившийся из хвостика локон, за ухо. – Мэтт не простой парень, и он ничего мне не обещает, но я не могу сказать, что он трахнул и бросил меня.

– Значит просто использует, а ты и рада, – закидывала обвинениями я лучшую подругу.

– Да что ты вообще знаешь об отношениях двух людей? Парень проявил к тебе страсть, а ты обвинила его в изнасиловании! Ладно, прости, я не права, но не нужно говорить о Мэтте так, будто ты его знаешь!

– Он создатель этой убогой вечеринки, он лучший друг Джареда Саадата, и мне этого достаточно, чтобы составить психологический портрет! Портрет мерзавца! – подытожила я, пытаясь достучаться до подруги.

– Ладно, неважно. Знаешь, я очень привязалась к тебе, Мэл, но иногда ты просто невыносима. Поэтому я общаюсь с Эйприл. Она понимает меня в таких вещах… она знает, что это такое, – Сэм резко схватила меня за руку и прижала ладонь к своей ключице. – Дрожь в груди, бабочки в животе… когда видишь ЕГО.

– Ладно-ладно, это твое дело. Только не плачь потом, когда он причинит тебе боль.

– Он уже это делает, – тихо прошептала Сэм, и быстро сменила тему. – Вернемся к тебе. Умоляю, не обижайся, Мелания. Я скучаю по нашим ночным разговорам.

Надувшись, я скрестила руки на груди.

– Так и чем все закончилось? Что еще сказали тебе вчера? Ты вернулась из участка никакая… на тебе лица не было, – вспоминает она, поглаживая меня по плечу.

– Мне предложили очную ставку, и я отказалась. Мое слово – ничто против его слова. Очевидно, Саадат подкупил всех свидетелей. К тому же, я не хочу его

видеть, – слишком злобно договорила я, вспоминая глаза Джареда.

Я просто не смогу. Снова посмотреть в эту, обещающую мне ад, серебристую бездну. Я сгорю на месте, как только наши взгляды вновь встретятся.

– Мэл, ты можешь меня не слушать, но я тебе вот что скажу: забирай заявление и забудь все, как страшный сон. Воспринимай это как опыт, и заметь, этот опыт закончился для тебя не так уж и плохо. Джаред не изнасиловал тебя, твоя порядочность, которой ты так дорожишь, при тебе. Не связывайся с ним. Зачем тебе это нужно? Я немного знаю его, и, если честно, у меня от него мороз по коже.

У меня тоже.

– Смирись, из этой ситуации тебе не выйти победителем, потому что он уже добился того, чтобы твои слова перековеркали. По Йелю идут слухи…

– Что?!

– Представь, если они доберутся до твоих родителей, а особенно до отчима. А по твоим рассказам, я знаю какой он у тебя.

Что? До отчима? Нет, только не это. Меня пробрала мелкая дрожь и Сэм крепко обняла меня, чтобы успокоить.

– Какие слухи? – плача, спрашиваю я. Хотя и так прекрасно догадываюсь КАКИЕ.

– Ну какие-какие? Сама знаешь. Все хотят Джареда, вот и ты не исключение. В команде баскетболистов, даже слышала такую версию, что ты горячая тихоня… теперь многие девочки тебя терпеть не могут, а от парней ближайшее время у тебя отбоя не будет. Все захотят проверить, насколько ты «горячая скромница». Ведь Джаред мог им что угодно наговорить. Например, что ты встала на колени и сделала ему ми…

Я обрываю Саманту на полуслове.

– Что? Сэм, про меня правда ходят такие слухи?! – мне стало еще противнее. Теперь я с уверенностью могла сказать, что возненавидела Саадата всем сердцем. Всем своим существом я желала ему мучений, и изощренных, адских пыток.

– Ну… Эйприл так говорит. Главное успокойся. Давай спать, я надеюсь, что утром ты не забудешь о нашем перемирии. Все будет хорошо, милая. Просто подумай над моими словами. Забери заявление и забудь. Не зли зверя… – зевая, сделала вывод Саманта, и, пройдя пару шагов, плюхнулась на свою кровать.

А у меня сон как рукой сняло. Жуткие слухи словно окутали меня колючими и ядовитыми тисками, мешающими спокойно дышать.

А страх за то, что все это доберется до родителей, и вовсе вызывал паническую атаку.

Но гордость и желание отомстить Джареду, не позволяли мне так спокойно взять и забрать заявление. В душе теплился маленький огонек надежды на то, что справедливость каким-то чудесным образом восторжествует и правда будет доказана.

Но нет. Мое положение ухудшилось в тот момент, когда меня вызвали к ректору – миссис Джейн Райн.

Первые десять минут в кабинете Джейн, я разглядывала дубовую столешницу и позолоченную ручку, украшавшую небольшой беспорядок на столе ректора. Краем уха слушала, что «прилежная ученица Йеля» получающая стипендию, не должна быть замешана в подобных делах.

– Я была о вас лучшего мнения, мисс Йонсен, – с разочарованием заключила свою исповедь Джейн, глядя на меня. – И никак не ожидала от вас посещения подобных мероприятий. Одно дело, когда они остаются закрытыми. И совсем другое, когда доходит до полиции. Это откладывает отпечаток на безупречной репутации нашего Университета!

– Мисс Райн, я не…

– Молчите, когда говорю я, Мелания, – женщина нахмурила свои слишком темные для ее светлых волос брови, и по слогам произнесла: – Если вы немедленно не заберете заявление, и не уладите это дело, мне придется… – она прокашлялась. – Исключить вас. Поэтому избавьте меня от неприятного решения, будьте благоразумной, и больше никогда не попадайте в подобные ситуации. Иначе в следующий раз я лишу вас стипендии без предупреждения. Не заставляйте мне усложнять вам жизнь, мисс Йонсен.

На глаза навернулись слезы, я совершенно четко осознала, что проиграла в этой войне с Саадатом.

Я заберу заявление. Ситуация забудется, будто он ничего и не совершал. Джаред Саадат останется безнаказанным и будет и дальше творить все, что ему в голову взбредет.

Из кабинета мисс Райан я выхожу на ватных ногах, нервно проводя пальцем по любимым стенам Йеля. Всего на мгновение я вижу впереди то, отчего меня сразу бросает в дрожь.

Джаред Саадат и его компания движется прямо на меня по длинному коридору. Парни спешат на лекцию, заливаясь мерзким смехом. На мгновение наши взгляды встречаются, и я чувствую это, даже несмотря на то, что он на довольно далеком от меня расстоянии.

Его губ касается… самая угрожающая усмешка Саадата, из всех, что я уже от него видела. Хищный взгляд мужчины заставляет меня озябнуть вновь, и, резко развернувшись, я бегу прочь в противоположную сторону.

Отдышаться я могу уже лишь на улице, прислонившись к ближайшему голому дереву.

Слезы мешают мне видеть окружающий мир, ветер подхватывает запутанные волосы, которые царапают меня по лицу. Я поднимаю взгляд на небо – и сейчас оно серебристое, цвета его глаз. Необъятная темно-серая, почти черная туча закрывает этот красивый цвет, и на землю падают миллионы тяжелых капель дождя.

Я стою у дерева, сгорая от боли и обиды, пока не промокаю с головы до ног.

Мне нужно просто забыть об этом. С этого дня, Джареда Саадата для меня не существует. Для меня он мертв.

Джаред

– Машина прибыла. Спускайся. Времени до вылета не так много.

– Пять минут, Джадир, – я сухо отзываюсь на требовательный зов снизу, чувствуя острое желание послать поверенного отца ко всем чертям. Ненавижу такие моменты. Я слишком привык к самостоятельной жизни в Америке, без всевидящего ока моего отца и вечно маячащего над головой долга ответственности.

– Адам, две минуты, – доносится до меня непоколебимый резкий ответ Джадира Бин Кадира аль-Мааба, правой руки шейха Рашида Бин Мохаммеда аль-Саадата, правителя одной из провинций небольшого королевства Анмар, находящегося на ближнем Востоке. Совсем скоро мне придется вернуться домой, чтобы пройти необходимое обучение семейному бизнесу, прежде чем отец доверит мне реальную работу. Меня ждет пост президента в международной корпорации «L. Corp.», одной из самых успешных ветвей семейного бизнеса, но история с Меланией Йонсен могла расстроить или отсрочить мои амбициозные планы.

Я могу долго и муторно рассказывать об Анмаре, его диких традициях, жестоких догматических законах. О мире, где царит абсолютный патриархат, и власть мужчин является неоспоримой и первостепенной, а примитивное мышление не изменилось с тех пор, как дальний родственник, великий шейх Мохаммед, верхом на верблюде воевал с соседними странами за новые территории. Мы обрели независимость не так давно, какие-то семьдесят лет назад. Разбогатели на добыче алмазов и других драгоценных камней, которые наша земля хранила в избытке. В то время, как наши соседи специализировались на черном золоте, мы добывали камни, сверкающие и безумно дорогие. Мои влиятельные родственники научились делать бизнес на алмазах не сразу, и свой расцвет Анмар получил лет пятьдесят назад. За годы, прошедшие со дня независимости и объявления Анмара самостоятельным королевством, анмарцы выстроили города и дороги, разбогатели, получили образование и доступ в самые богатые страны мира, но в головах коренных жителей Анмара на самом деле мало что изменилось.

Не скажу, что сам чем-то отличаюсь от моего отца, моих братьев, которых ненавижу всем сердцем, но я точно могу сказать, что не являюсь абсолютным патриотом своей страны, который слепо следует традициям и правилам тоталитарного государства, закрывая глаза на царящий там беспредел и устаревшие законодательные нормы. Возможно, причиной тому является влияние моей матери, которая успела вложить в мою голову свои представления о морали, ценностях, отношениях между людьми и жизни в целом. Отец не знал, какие долгие вечерние разговоры вела со мной мать, пытаясь не дать мне вырасти таким же как он и мои братья, воспитанные женами шейха. Мою мать звали Амели Блейк, англичанка, которая родилась и выросла в Лондоне. Там же училась. Католичка, презирающая ислам всем сердцем. Нет, она не говорила мне об этом открыто, но я просто знал, видел на ее лице едва сдерживаемую ярость, когда отец начинал цитировать при ней строки из Корана. Моя мать ненавидела не только религию страны, в которую ее привезли силой, но и моего отца. Его, думаю, больше всех. Ее ненависть к нему оказалась сильнее, чем любовь ко мне. Арабская женщина никогда бы не оставила своего ребенка, потому что ее не устраивают отношениях с его отцом. Даже спустя много лет, я не смог ей простить этого выбора. Она же знала, не могла не знать, что меня ждет в доме шейха под опекой его первой жены. Меня – сына наложницы, ублюдка, которого признал правитель, потому что слишком любил проводить ночи с белокожей шармутой (так называла ее Нора, первая жена моего отца, хотя это было неправдой), которую содержал в отдельном доме и посещал чаще, чем своих официальных трех жен и целую виллу наложниц. Они все ненавидели меня, не забывая при каждом удобном случае ткнуть меня носом в мое происхождение. Хуже всего было выносить презрение ближнего круга моего отца, которые тоже видели во мне незаконнорождённого ублюдка, но должны были считаться с тем, что я наследник.

Принц, мать вашу.

– Адам, время вышло, – снова подает голос Джадир.

Он тоже меня презирает, считает недостойным королевской семьи. И, наверное, история с моим арестом и теми фактами из моей студенческой жизни, которые неожиданно всплыли, только подтвердили его общее мнение обо мне, как о никчемном полукровке, которого вырастила шлюха. Но моя мать никогда не была шлюхой. Я знал, что у нее не было выбора, не было ни малейшего шанса противостоять желанию шейха. Его воле и абсолютной власти. Иногда он брал ее силой. Не при мне, но я слышал крики. Ее слезы, плачь. Судорожные рыдания,

которые разрывали мое сердце. Я любил ее больше всех, но, становясь старше, начал стесняться своего происхождения, стесняться собственной матери. Когда мне исполнилось восемь, отец внезапно решил заняться моим воспитанием. Он нанял для меня учителей, стал проверять, как хорошо я знаю Коран и пришел в страшный гнев, узнав, насколько слабы мои познания в религии нашей страны. Я стал часто бывать в главной резиденции шейха, и постепенно начал осознавать, кем меня видят остальные наследники и жены отца. Они не скупились на эпитеты и оскорбления, особенно когда отца не было рядом. Клеймо ублюдка очень сложно стереть, даже если твой отец шейх. Особенно, если он шейх. Со всех сторон твердили, что моя мать развратная аморальная женщина, которая околдовала отца, заставив своими чарами признать своего сына, как одного из законных наследников. Постепенно я начал верить в то, что слышал. Я был ребёнком, которого невероятно ранила разница между отношением ко мне и сыновьям шейха от первой жены. После подобных встреч с отцом и его семьей, я возвращался к матери ожесточенный и злой. Сейчас мне стыдно за то, что я был таким ужасным сыном, я упрекал ее, хотя больше всех знал, что приходится ей переживать в чужой стране, во власти мужчины, который просто захотел получить новую игрушку в свой «гарем». И когда она ушла, я долго думал, что в этом была доля моей вины. Постепенно чувство вины трансформировалось в ожесточенность. А годы под опекой Норы сделали из меня циничного и жестокого озлобленного парня, который в ответ на любое упоминание о моем происхождении, наносил ответный удар. В лицо, разбивая в кровь, не щадя, получая мрачное удовольствие от осознания собственной силы и власти над поверженным.

Но я научился давать сдачи не сразу, далеко не сразу.

И каждый раз, когда в плохую погоду мои ступни начинают ныть, я вспоминаю, почему не должен никому доверять из окружения отца. Что бы я не делал, каких бы высот не достиг, какой пост бы не занял, они будут презирать меня и ненавидеть. Но никогда не скажут в лицо того, что так часто со смакованием бросали мальчику, брошенному собственной матерью.

Я извлек свои уроки, и теперь мне плевать на мнение окружающих. Выросший под влиянием двух людей с разными религиозными взглядами, я остался независимым в своем мнении в отношении вероисповедания.

Я вообще не верю в Бога, но никогда не скажу об этом отцу.

И мне плевать на Джадира, который приехал, чтобы вытащить мою задницу из заварушки с Йонсен.

Сучка все-таки подала иск.

Когда меня бросили в камеру, я даже не понял, что случилось. Вырубился и все. Утром меня растолкали, принесли свои извинения и выпроводили из отделения, где меня в бронированном внедорожнике уже ждал невозмутимый Джадир. Он-то и просвятил меня в подробности скандальной истории, которая дошла до моего отца раньше, чем до меня.

А все благодаря Али, моему старшему брату. Отца не было в стране, а пока он занимался своими политическими делами, все важные вопросы решал наследник и старший сын. В приемную отца позвонил президент Йеля, и Али, как временный заместитель, сам переговорил с Генри Роджерсом. И разумеется всю информацию передал отцу, а тот уже подключил Джадира для решения скандального вопроса с моим арестом.

На самом деле я ожидал, что отец позвонит мне лично, чтобы вылить на меня свой гнев и недовольство, но он не позвонил. Не посчитал нужным тратить время на недостойного отпрыска своей сбежавшей наложницы. Зато Али не смог отказать себе в удовольствии позлорадствовать. Уверен, он бы все сделал, чтобы история с попыткой изнасилования всплыла в прессе, но репутация семьи волновала его сильнее, чем личные счеты и взаимная неприязнь. Полив меня ядом своего презрения, он заявил, что, скорее всего, мой запланированный три года назад брак с Ранией аль-Хинди, дочерью крупного нефтяного магната, одного из богатейших шейхов провинции Сумар, будет пересмотрен, если до ее отца дойдут сплетни о моем скандальном поведении в Америке, об оргиях и вечеринках, а теперь еще и судебном иске по обвинению в изнасиловании. Я не верил в то, что Омар аль-Хинди станет отменять помолвку из-за каких-то слухов, тем более брак носил политический характер. Другое дело, если скандал попадет в прессу. Объединение двух богатейших фамилий, слияние капиталов и, конечно, гарантия будущего партнерства между странами опять окажется под угрозой срыва. Сумар являлся более современным регионом и, в отличии от консервативной центральной провинции Анмар, давал женщинами чуть больше свободы. Их мнение имело вес в отношении многих аспектов, включая вступление в брак. Рания должна была стать женой Али, и Омар, ее отец, настаивал на этом браке, но одна из его самых любимых дочерей сказала решительное «нет». Важное политические объединение оказалось под угрозой,

и отцы решились на отчаянный шаг. Устроили личную встречу в главном дворце шейха. Али считался привлекательным парнем, и многие девушки из богатых семей желали бы себе такого мужа, но Рания осталась равнодушной. Она увидела меня, когда, в сопровождении многочисленных прислужниц и разочарованного отца, покидала дворец через утопающий в цветах, благоухающий сад. Я занимался неподалёку с моим наставником по восточным единоборствам, и даже не заметил процессию. Но зато Рания заметила меня. И уже вечером мне сообщили, что я обручен с одной из дочерей нефтяного миллиардера Омара аль-Хинди. Я мог отказаться, но мне показали ее фотографию, и решение было принято. Мне понравилась темноволосая и черноглазая красавица с умным взглядом и чувственной улыбкой. Тем более, мне хотелось насолить Али, который был страшно взбешён выбором девушки.

Наш брак должен состояться сразу после того, как она закончит свое образование. На данный момент она учится на втором курсе Гарварда, и у меня еще полно времени и можно даже не думать о, существующей где-то, невесте. Но пришлось задуматься. Скандал мог не только навредить моей репутации, бросить тень на отца, но и расстроить помолвку. Если Рания передумает, ее отец не сможет повлиять на строптивую дочь.

Джадир Бин Кадир аль-Мааб прибыл вовремя. Процесс был запущен еще до того, как самолёт частной авиакомпании приземлился в аэропорту Нью-Хейвена. К моменту, когда Джадир ступил на американскую землю, меня уже выпускали из камеры, возвращая личные вещи. Пребывая в состоянии жуткого похмелья, я не сразу понял, о каком изнасиловании вообще идет речь. Я, конечно, помнил, что Мелания Йонсен угрожала мне полицией, но я не думал, что она решится. Идиотка. Дура. Фригидная сука. Я что, много просил? Я даже собирался быть максимально нежным. Хотя нет, вру. Черт, конечно я не собирался.

– Ты, вообще, понимаешь, какие последствия вызовет твое поведение, Адам? – отчитывал меня Джадир, пока его жена Далила в черном одеянии с головы до ног отпаивала меня кофе. О, Аллах, за такой кофе я готов продать душу Шайтану. Благодарно улыбаюсь женщине, переводя взгляд на поверенного отца. Какого черта, он таскает повсюду свою жену? Далила бы никогда не переступила порог моего дома, который прослыл главным пристанищем порока в Нью-Хейвене, но здесь, в двухуровневых апартаментах, которые были оплачены деньгами Саадатов, она принимала меня, как дорогого гостя. Но, опять же, я не видел выражения ее лица под плотной паранджой.

– Я не насиловал эту идиотку, Джадир, – спокойно отвечаю я, поднимая взгляд на высокого смуглого араба в строгом черном костюме, взирающего на меня с негодованием и плохо скрываемым презрением. Откинувшись на спинку удобного дивана, обтянутого черной кожей, я поправляю задравшуюся футболку, прикрывая полоску кожи внизу живота, и только сейчас понимаю, почему несчастная Далила так низко опускает голову, подавая мне очередную чашку кофе. Сорокалетний Джадир взял ее в жены, когда девушке только исполнилось пятнадцать. Свадьбу сыграли год назад. Шестнадцать лет, черт возьми. А она уже беременна, судя по круглому животу, который заметен даже под широкими одеяниями. И кто из нас больше достоин презрения? Я или этот педофил?

Глаза Джадира вспыхивают яростными всполохами, когда он замечает, как я с любопытством рассматриваю его жену.

– Далила, спасибо. Ты можешь пойти отдохнуть, – приказывает Джадир. Девушка склоняет голову еще ниже и бесшумно покидает гостиную мелкими семенящими шагами. Жалкое зрелище, если честно.

– Девушку заставят забрать заявление. Я уже позаботился об этом. Но если бы не президент Роджерс, который позвонил Али сразу же, как узнал об аресте, все могло закончится фатально для тебя, Адам, – едва сдерживая свое негодование, сурово произносит Джадир. – Аллах! Парень, ты, вообще, думаешь о чем-то, кроме выпивки и женщин?! – срываясь, яростно восклицает он.

Я пожимаю плечами, хлопая по карманам в поисках сигарет. Я бы не отказался от горячего душа, завтрака, и пары часов сна в своей постели. Достаю пачку, засовываю сигарету в зубы, чиркая зажигалкой. Вижу, как сукин сын сжимает челюсти, но молчит. Принцу можно все. Затягиваюсь, выпуская струю дыма в сторону Джадира.

– У следствия есть запись, которую они изъяли с камер наблюдения в доме Мэтта Калигана, – сообщает он. Прищурившись, я смотрю в черные глаза. Ни один мускул не дрогнул на моем лице. Ни дождавшись от меня ни ответа, ни реакции, Джадир продолжил, раздуваясь от чувства собственной важности и незаменимости:

– Я заплатил миллион за запись, и еще столько же за помощь следствия в закрытии и сокрытии этой грязной истории. Я еще не знаю, сколько запросит девушка за моральный ущерб, который ты ей нанес.

Однако платить Мелании не пришлось. Она сама забрала заявление. Не сразу. Ее упорства хватило на две недели. Я не вникал в подробности следствия, которое развалилось по причине недостатка улик против меня. По свидетельским показаниям на той вечеринке я вообще не подходил к девушке, не разговаривал с ней, и в момент попытки изнасилования, уже находился у себя дома и получал удовольствие от оральных талантов моей новой знакомой. Самое смешное заключалось в том, что в побоях, которые все-таки сучка успела зафиксировать, обвинили Томаса Коулмана. Идея принадлежала мне, между прочим. Деньги могут из любого святого сделать отъявленного негодяя. Я наслаждался своим триумфом, когда весь университет гудел о том, что скромница и отличница Мелания Йонсен окончательно спятила, помешавшись на мне, и после того, как я в очередной раз отшил ее, устроила этот цирк с обвинением в изнасиловании. Сама героиня сплетен на занятиях не появлялась, чем вызвала еще большие подозрения, так как если человеку нечего стыдиться, он и прятаться не станет. Я же не пропустил ни одной гребаной лекции, не прокомментировал ни одного грязного слуха на счет глупой сучки, которая решила бросить мне вызов. Зачем мне унижаться до распускания сплетен, если за меня все сделали другие? В итоге мой авторитет только вырос, а вот репутация крошки Йонсен оказалась окончательно подмоченной. Если честно, я ей не завидовал. Эту историю ей не забудут до самого окончания университета, если не отчислят за недостойное поведение. Я хотел устроить ей что-то подобное, но передумал в последний момент. Пусть живет.

Когда Мелания забрала заявление и дело закрыли, проблема, вроде, была решена. Но, увы, отец так не считал. Он требовал меня на родину, пока я не влип в очередную историю. Отказаться было нельзя. Приказ шейха не подлежал обсуждению. Мне устроили ускоренную сдачу экзаменов по оставшимся предметам и выдали диплом раньше времени.

И какая ирония! Именно в тот день, когда диплом об окончании Йеля уже лежал в моем рюкзаке, Мелания Йонсен первый раз появилась в университете. Может была и до этого, но я ее не видел. Мы с парнями как раз собиралась свалить с последней в моей жизни лекции в Йеле и отметить событие в баре, где-нибудь в городе, когда я заметил маленькую сучку, которая шла навстречу, опустив

голову, и не глядя по сторонам. Уверен, что она бы сбежала в обратную сторону, если бы заметила меня раньше. Парни заржали, отпуская шуточки в ее адрес, я же испытывал смешанные чувства. Тут была и злость за ее упрямство, и гнев за то, что мне отказали, и желание нагнуть и отыметь это маленькое идеальное тело, накручивая на кулак белокурые пряди.

Я всегда получал все, что хотел, почти не затрачивая усилий, а ее – не смог.

Долбанная сука, да что в тебе такого? Смотрю как ужас мелькает в аквамариновых глазах, когда она замечает меня, а у самого зубы сводит и все мышцы напрягаются от желания схватить, распять здесь же, наплевав на все последствия. Смять этот рот губами, заставить кричать, умолять о пощаде, шептать мое имя, и слизывать его с ее губ жадно, сладко, до боли. Вдыхать ее боль, страх, стоны и желание, рвать на части убогие шмотки, завернуть в шелка и смотреть, смотреть бесконечно за игрой света на платиновых локонах. На отблески гнева в голубых глазах. Скользить губами по фарфоровой коже, нежной, прозрачной, зацеловывая следы синяков, которые оставили мои грубые пальцы. Нам могло быть так сладко вместе, так горячо. Я хотел всего лишь пару часов, а теперь не уверен, что мне было бы достаточно целой ночи. Не знаю, как и когда, но я получу ее в свою постель. Я свяжу ее руки и буду пытать бесконечно и сладострастно, она будет кричать, но не от боли и страха. Я буду трахать ее до тех пор, ока она не сдастся окончательно, пока не станет нуждаться во мне, как одержимая и зависимая наркоманка. Я поставлю ее на колени, заставлю целовать мои руки, и буду наслаждаться каждой минутой ее падения.

Какого черта? Скидывая наваждение, сам в шоке от собственных первобытных инстинктов, я смотрю на нее с мрачным обещанием скорой встречи. Мелания инстинктивно шарахается в сторону, опуская голову и почти бегом удаляясь от меня.

Беги, беги, маленькая сладкая сучка. Я все равно тебя поймаю.

– Адам, не испытывай мое терпение. У тебя еще минута. Я жду тебя в машине, – выдергивает меня из воспоминаний грубый голос Джадира. Адам… ненавижу это имя. Однако именно оно является основным. Принц Анмара не может носить английское имя.

– Пошел ты, – говорю я, понимая, что Джадир меня не услышит. Последний раз обвожу взглядом спальню, в которой провел последние пять лет жизни. Пять лет свободной и насыщенной событиями жизни. Впереди маячит перспектива на год иди два застрять в душном и пыльном Анмаре, прежде, чем отец посчитает, что я исправился, встал на путь истинный и приобрел достаточный опыт для управления семейным бизнесом в Америке.

Я начинаю считать дни, черт возьми.

Медленно спускаясь по ступенькам, я смотрю в большие окна, выходящие на центральную дорогу. Три огромные черных бронированных внедорожника выстроились на обочине, в любой момент готовые сорваться с места. Надеваю темные очки и выхожу в теплый майский полдень, закрывая дверь дома, в который никогда не вернусь.

Мои плечи напрягаются от внезапной тяжести, дыхание сбивается, обжигая легкие внезапной болью, когда я смотрю на шеренгу автомобилей, ожидающих опального наследника. Достаю сигарету, щелкаю зажигалкой и затягиваюсь, закрывая глаза. Дымом иногда дышать легче, чем воздухом…

Внезапно на стоянку рядом с огромными черными монстрами вклинивается ярко-красной Порше с немного помятым бампером. Из окон гремит электронная музыка. Дурацкая улыбка расползается по всему лицу, потому что я не мог не узнать машину лучшего друга. Дверцы одновременно открываются со всех сторон и толпа моих приятелей, неизвестно, как поместившаяся в небольшой легковушке, направляется ко мне. Бросая сигарету, я протягиваю руку Мэтту, который первым подходит ко мне.

– Думал, что свалишь не попрощавшись, Джаред? – игнорируя протянутую руку, Мэтт обнимает меня, быстро и стремительно. Отстранившись, он с наигранным возмущением несильно бьет меня кулаком в плечо. – Как можно быть таким черствым сукиным сыном, Джар? Пять лет дружбы, и ты собирался уехать, отправив мне свое тупое «пока» по смс. Ты не перепутал меня со своими девочками, придурок?

– Своим девочкам я не послал ничего, – усмехаюсь я. Окидываю всю компанию долгим взглядом, запоминая каждого. Мы были отличной командой. – Буду скучать по вам, парни. Это было незабываемо. Мэтт, до встречи на Манхеттене?

– Назначаешь свидание?

– Иди ты, Калиган, – качаю головой, не в силах удержать улыбку. Эти ребята проявляли ко мне больше уважения, чем собственные братья. Для этих парней я был Богом, заводилой, безусловным лидером. Я не знал, что значит дружба, преданность, сплоченность, пока не приехал в Йель. А теперь мне предстоит вернуться туда, где я должен буду каждую минуту доказывать, что достоин имени своего отца. Играть роль примерного сына, ходить в мечеть и улыбаться своим братьям, вместо того, чтобы показать им свой истинный волчий оскал.

Часом позже, уже на борту частного самолета, я смотрю на бескрайнее небо и облака, плывущие под нами, удаляющиеся огни Америки и чернеющие воды океана. За пять лет я дважды возвращался в Анмар. Но выдерживал не больше недели, снова сбегая в Америку.

Но в этот раз сбежать не получится. Ни через неделю, ни через две…

– Я, знаешь, о чем думаю, Адам, – внезапно подаёт голос Джадир, расположившись в удобном кожаном кресле напротив меня. Где-то в хвосте самолета сидит его беременная шестнадцатилетняя жена, закутанная с головы до ног в черную ткань. И все восемь часов полета не двинется с места, сжимая на коленях тонкие белые кисти рук. Мне кажется, что наши чувства с ней сейчас максимально похожи. Я ощущаю себя тигром, пойманным в клетку, могу только злиться и скалить зубы. А Далила даже этого не может.

– О чем же? – вяло спрашиваю я, отрешенно глядя в иллюминатор.

– Ты видел много американских женщин… – продолжает Джадир, я отрываю взгляд от плывущих облаков и медленно поднимаю его на невыразительное лицо поверенного шейха.

– Ну? – недоуменно приподнимая правую бровь, спрашиваю я.

– Они и правда, никогда не отказывают мужчине?

– Тебе бы, Джадир, отказали, не смотря на восьмизначный счет в банке, – иронично ухмыляюсь я.

– Почему? – хмурится он, темнея лицом.

– Ты не такой симпатичный, как я, – заявляю совершенно серьезно, хотя с трудом сдерживаюсь от того, чтобы заржать в голос.

– Разве дело во внешности? – ведется Джадир, с любопытством разглядывая мое лицо. – Я не считаю тебя красивым.

– И слава Богу, – смеюсь я. – Но на самом деле, в любом городе Америки ты, как и в других странах, совершенно без проблем можешь купить проститутку, а вот приличную женщину придется завлекать чем-то другим. Обаянием, например, подарками дорогими. Срабатывает не всегда и не на всех. Я обычно шел легким путем, выбирая определенный доступный тип девушек. Но, как видишь, моя годами наработанная система дала сбой в случае с мисс Йонсен.

– Это потому что она девственница, – пожав плечами, произнес Джадир с умным видом.

– Какая девственница, ты бредишь? – резко спрашиваю я, чувствуя, как во рту появляется неприятный горький привкус поражения.

– Если бы тебе было интересно, то ты бы мог ознакомиться с материалами дела, к которому приложены медицинские документы полного обследования Мелании Йонсен, – бесстрастно сообщает Джадир. – НЕ удалось тебе, мальчик, сорвать цветок. Не переживай, всегда найдется тот, кто сделает это за тебя, – добавляет этот сукин урод и смотрит на меня с таким триумфом, что хочется вмазать кулаком по его высохшей роже, но я сдерживаю порыв. Достаю из кармана айфон, и открываю неактивное окно общего чата для студентов Йельского университета, примитивную «болталку» для внутреннего использования.

– Ну, это вряд ли, – мрачно ухмыляюсь я.

– Адам, ты забыл, что мы в небе? Здесь не работает интернет даже по воле принца, – глумливо насмехается Джадир.

Я набираю текст в поле сообщения, которое уйдет в чат, как только мы приземлимся и войдем в зону, где доступны интернет сети. Чат работает таким

образом, что я вполне могу скинуть в него любое сообщение анонимно, не используя свой основной ник, который знает весь Йель. И это тот самый случай, когда я выбираю функцию «скрыть личные данные».

«Внимание, друзья! У меня есть для вас важная информация! Мне достоверно известно, что Мелания Йонсен больна плохо поддающейся лечению венерической заразой. Будьте бдительны сами, и передайте своим друзьям, чтобы не повторяли моей ошибки. Я не могу назвать себя, потому что повелся на обманчиво невинное личико, и сейчас прохожу длительную и мучительную терапию после одного единственного минета в туалете. Прошу разослать данное сообщение максимальному количеству студентов. И я надеюсь, что вам не придется пройти через временную потерю потенции, адские боли, и кожный зуд, который заставляет раздирать собственное тело до язв».

Через несколько часов сообщение провалится в чат, и уже завтра Мелания Йонсен перестанет существовать для всей мужской половины Йеля как сексуальный объект.

Два ноль в мою пользу, крошка.

Глава 4

«Мысли иногда причиняют больше страданий, чем тело».

Браун Д. «Ангелы и демоны»

Два года спустя

Мелания

– Вот это да, – тяну за собой чемодан, прислушиваясь к восторженному голосу Сэм. Все необходимое я перевезла с собой в небольшом чемодане на колесах, остальное привезут из Нью-Джерси в течении двух дней. В этом году мы с Сэм и Эйприл закончили Йель. Последний месяц я жила у Саманты в Нью-Джерси, хотя

мама очень просила меня пожить у них с Эдвардом в Бостоне перед тем, как я устроюсь на постоянную работу.

Но правда была в том, что я… не хотела жить с мамой. Не могла. Как бы я не скучала по ней, как бы не любила маму, я не чувствовала себя комфортно рядом с отчимом.

Даже несмотря на то, что в последний год перед моим поступлением в Йель наши отношения с Эдвардом изменились. Но прошлое изменить было невозможно, как и все, что он сделал.

Они гордились тем, что я закончила Йель с отличием и наградами, и смотрели на меня с восхищением, но я не могла вернуться в свою клетку. Я люблю своих родителей, но мама и Эдвард чересчур опекают меня. Особенно Эдвард… кажется, он до сих пор против того, чтобы я встречалась с парнями.

Не волнуйся, Эдвард. Мужчины настолько противны мне, что мне это не грозит. Спасибо одному ублюдку – Джареду Саадату.

Поэтому я провела у них неделю, и переехала в Нью-Джерси к Сэм, где мы немного отдохнули от учебы и обсудили что нам делать дальше. К большому счастью, я и Сэм попали в список выпускников, которые были рекомендованы на работу в крупные перспективные компании.

Я не могла поверить, что многочасовой адский труд в роли официантки, администратора и «девочки на побегушках», оплачиваемый за гроши, наконец-то закончился. Наступает новая эра. Новая жизнь, в которой я смогу самореализоваться. Диплом Йеля пригодился, а это значит, что я не зря работала на него все эти четыре года.

И совсем неважно, что я училась не на том факультете Йеля, на котором всегда мечтала. Я просто получила то образование, которое будет более востребовано. Родители были против того, чтобы я училась на факультете изобразительных искусств. И я поступила в школу менеджмента, которую одобрил Эдвард, успокаивая себя тем, что главное это то, что буду учиться в стенах Йеля.

Четыре года пролетели быстро, несмотря на трудности, переживания и случай, который порой заставляет меня просыпаться в холодном поту.

Весь месяц в Нью-Джерси мы с Сэм только и делали, что катались на велосипедах, ходили в бассейн и кино. По вечерам обсуждали варианты нашей будущей практики. Мы могли выбрать одну из нескольких крупных компаний, которые предлагали у них год работы. За этот год мы с Сэм должны были проявить себя как хорошие сотрудники, и, возможно, нам позволят остаться.

Каждая компания предлагала различные условия и уровень заработной платы. Мы подробно изучали все варианты, немного жалея Эйприл, которую после выпуска никто не ждал с распростёртыми объятиями.

Не то, чтобы она совсем плохо училась, просто ее поведение оставило в личном деле много темных пятен. И все это время пока мы с Сэм готовились к выбору работы всей своей жизни, Эйприл кутила по ночным клубам Нью-Йорка и жила у своих мужчин в роскошных, и не очень, квартирах. Как повезет.

Не мне стоит осуждать Эйприл. Ведь я сама до сих пор не могу себя простить за то событие, что произошло со мной год назад… а о случае с тем ублюдком, даже вспоминать не хочется.

– Вау, Мэл! Ты это видишь?! Ты правда видишь то же, что и я? – восторженно начала скакать в коридоре Сэм, хлопая в ладоши. Она всегда так эмоциональна. Я окидываю взглядом небольшую квартирку, которую предоставила нам компания. Манхэттен, десятый этаж жилого комплекса «Вертикаль». Это студия с небольшой гардеробной и спальней на двоих. Места не так много, как казалось на фотографиях, но даже эта площадь стоит огромных денег. Снимать такую студию в центре Манхэттена нам стоило бы около пяти тысяч долларов в месяц!

Я внимательно осмотрела наши апартаменты. Идеальная чистота, все будто отполировали к нашему приезду. Спортзал с бассейном и другие приятные «бонусы» располагались в этом здании, и мы, как постояльцы «Вертикали», могли посещать их бесплатно.

– Похоже, мы не ошиблись с выбором компании, – теперь уже сама не могу сдержать улыбку. Мы с Сэм переглядываемся и наперегонки бежим на кровать, забывая обо всем.

– Черт возьми, еще как не ошиблись, – смеется Саманта, когда мы приземляемся на кровать. А потом… я замечаю этот вид за окном и просто не верю своим глазам. Подбегаю к нему, глядя на крыши невысоких зданий и небоскребы Манхэттена. Наверное, вечером это выглядит еще прекраснее. Огни сверкают, подобно бриллиантам…

Кстати, о бриллиантах. Компания, которую выбрали мы с Сэм, называется «Luxury Corporation». Она занимается добычей и реализацией драгоценных камней, имеет сеть своих ювелирных магазинов в Америке и Европе, и предлагает не самую высокую зарплату. Но мы купились на медицинскую страховку, красивый офис, эту квартиру и возможность карьерного роста. Компания молодая и процветающая, а значит больше шансов, что юным девушкам дадут проявить себя. Мы с Сэм будем работать в одном отделе – она будет отвечать за контент и продвижение сайта. Я – за рекламную компанию продукции, выявление нужд потребителей, и, конечно, за анализ конкурентов.

– Ненавижу Манхэттен, – сквозь зубы ворчит Сэм, но я знаю, что она просто злится.

– Все будет хорошо. Вероятность вашей с ним встречи один на миллион. Да я скорее миллион в лотерею выиграю, чем ты случайно встретишь его на этих улицах. Ты посмотри на этот муравейник, – киваю в сторону окна. Если посмотреть вниз, можно и правда увидеть кучу куда-то спешащих, суетливых людей. Мы живем в самом центре, недалеко от офиса нашей компании.

Скорее я встречу одного ублюдка, если «случайно» окажусь на Ближнем Востоке, чем Сэм встретит Мэтта, прогуливаясь по Нью-Йорку.

– Я и не надеялась, – немного грустно говорит она, и вновь улыбается, набирая номер на своем телефоне. Мэтт Калиган – бывший «парень» Саманты, жил в Нью-Йорке. У них были сложные отношения, пока он не закончил университет. В итоге, Калиган просто уехал в Нью-Йорк, и их отношения закончились. Откуда мы знаем куда? Мэтт – сын известного банкира, к тому же, Сэм не признается, но она постоянно заходит в его социальные сети, и может видеть его местоположение. Дурная привычка сидеть на страничках бывшего…

– Все, я звоню Эйприл. Вещи разберем вечером, нам нужно по магазинам. И не смотри на меня так, Мэл! Это первый день на новой должности в шикарной,

крупной и быстроразвивающейся компании. О таком старте многие выпускники могут только мечтать! Ты должна выглядеть как молодая и амбициозная девушка, а не ребенок с косичками. – Я возвела глаза к небу. Я уже давно не воспринимаю всерьез критику по поводу своего вкуса в одежде.

Девчонки таскают меня по магазинам, но я не собираюсь прислушиваться к их советам. Теперь, когда за колледж платить не нужно, я могла позволить себе лишний раз потратиться. Эйприл весь день рассказывает нам о своих парнях, с которыми она просто «дружит» (мы с Сэм скептически переглядываемся в такие моменты), и весело проводит время.

Что ж, это дело Эйприл. Хотя мне жаль, что она растрачивает свою молодость и красоту на мужчин, которые используют ее для своих низменных целей. Мы пытались с ней говорить, но Эйп – упрямая девочка.

Моя задача на ближайший год – работать так, чтобы меня оставили в компании. Ведь не зря я заканчивала Йель.

Я не зря забрала то несчастное заявление под давлением угроз о моем исключении… и Саадат остался безнаказанным.

Но я не хочу вспоминать о прошлом. Хотя несмотря на то, что прошло целых два года, осадок, который подонок оставил в моей душе остался.

Бывает, по ночам я содрогаюсь от того, что чувствую на своем теле его прикосновения. Его грубые руки, прикасающиеся ко мне так, словно я уже принадлежу ему. Словно у него есть на меня все права этого мира.

Не говоря уже о том, что после того, как загадочный аноним пустил по Йелю ужасные слухи обо мне, на меня началась травля. Со стороны девчонок в основном, потому что адекватные парни не верили в эту чушь. На какое-то время я стала самой обсуждаемой личностью в университете, но эта «слава» совершенно не была мне нужна.

Я просто хотела, чтобы все они отстали от меня. И я догадывалась кто пустил обо мне этот мерзкий и грязный слух… а кто мог еще? Я никому никогда не переходила дорогу, я никому никогда не грубила, не причиняла зла.

Многие парни все равно обращали на меня внимание, не веря в эту адскую сплетню. Из-за нее я чуть не довела себя до нервного истощения… не могла есть и нормально спать, чувствуя себя грязной и осквернённой. Все они были мне противны.

Эту ужасную клевету опроверг через год мой первый мужчина – Брайан Пикот.

Брайан казался хорошим парнем. Рядом с ним я почувствовала себя в безопасности, поэтому всего на пару мгновений позволила себе… попробовать. Попробовать открыть свое сердце. Для настоящих чувств.

Даже попытка найти настоящую любовь, не смогла залатать грязную дыру внутри. Я избавилась от одного «небольшого недостатка», (так называли мою невинность Сэм и Эйприл) но не получила ничего, кроме еще большего опустошения.

Это случилось всего лишь однажды. Больно и очень быстро. Глупо. И мне не понравилось. Брайан не вызывал в глубинах моей души ни трепета, ни головокружительных эмоций.

В итоге Брайан оказался таким же кретином, как Саадат. Не знаю, может он просто похвастался кому-то из своих друзей, но уже через три дня весь Йель шептался о том, что он у меня первый. Конечно, это событие опровергло более грязный слух обо мне, и стоило бы радоваться, но…

Мне было просто мерзко от того, что настолько личные вещи, знают все, кому не лень. И больно. Больно, потому что для Брайана я изначально была просто «мисс невинностью».

Желание заниматься сексом пропало в очередной раз.

Как этого вообще можно хотеть так сильно, как две мои озабоченные подружки?

Я возвращаюсь домой и ввожу в поисковике запрос «Нью-Йорк студия танцев». В Нью-Хейване я решила увлечься хоть каким-то спортом и записалась на танцы. Чувствовала себя на занятиях глупо, но старалась как-то побороть стеснение…

Ночью, когда я сижу у окна и рисую при слабом свете ночника, Сэм уже давно спит. Я дорисовываю набросок небоскребов, которые вижу, и оставляю рисунок на столе, чувствуя внутри зарождение чего-то нового.

Предчувствие новой жизни, новых, ярких и интересных событий.

Которые наверняка вытеснят самые плохие и болезненные воспоминания.

Джаред

Германия

– Адам, проснись.

Открываю глаза, фокусируя взгляд на сосредоточенном лице брюнетки, которая с вежливой улыбкой протягивает мне кофе в стаканчике. Меня разбудила не она, а небольшая вибрация в белоснежном салоне частного лайнера и шум в ушах, вызванный перепадами давления. Судя по всему, самолет идет на посадку.

– Где мы? – я не слышу собственного голоса. Забираю кофе, поднося к пересохшим со сна губам, пробуя. Горячий. Благодарно улыбаюсь, глядя в серьезные изумрудные глаза.

– Мюнхен, – читаю я по красным глянцевым губам, так как гул нарастает.

Неприятное, почти болезненное давление на барабанные перепонки. Прикрываю глаза. К этому невозможно привыкнуть. Ненавижу летать.

– Через два часа Шелл Мортен ждет нас в «Астоне». Номера забронированы там же, для максимального удобства, – официальным деловитым тоном сообщает девушка.

– Спасибо. Ты просто ангел, Беа, – не открывая глаз, делаю еще один глоток кофе и отдаю ей стаканчик.

– Это моя работа, Адам – делать все, чтобы тебе было удобно и максимально комфортно, – лаконично добавляет она.

– Ты идеальный ассистент, Беатрис, – я расправляю плечи. Самолет уже достаточно низко, чтобы можно было различить крыши домов. Не могу поверить, что я проспал столько времени. Разминаю затекшие плечи и перевожу взгляд на своего ассистента, она быстро отводит глаза. Я знаю, на что она смотрела. Застегиваю рубашку, защелкиваю браслет часов, надеваю перстень с эмблемой Саадатов на палец и накидываю петлю галстука. Завяжет Беатрис. Я не умею. Мне и не нужно уметь.

Беа подает пиджак, когда самолет уже несется по взлетной полосе. Никто не хлопает. Пилота я знаю с детства.

Последний штрих. Ботинки от Amadeo Testoni.

На самом деле – это целый ритуал. Даже в самолете, прежде чем уснуть, я снимаю все аксессуары. Не могу, когда что-то давит, сковывает и мешает мне дышать. Из самых отвратительных западных атрибутов больше всех мне ненавистен галстук.

Беатрис завязывает его, прежде чем мы покидаем самолет. Ее движения легкие, отточенные, привычные. Тонкие пальцы приятно пахнут, и она несомненно сексуальная сучка, которую я бы с удовольствием поимел. Думаю, как и она меня. Но целый год, бок о бок, в Штаб Квартире компании «L. Corp.» под тотальным контролем отца и его ближайшего окружения я вынес для себя определенный свод правил, которые внедрил в доверенный мне бизнес. Одно из правил – никакого секса на работе. Это мешает производительности, усыпляет бдительность и отвлекает от главного.

И мой последний ассистент настолько профессионален, что увольнять ее ради секса на одну ночь, я не вижу смысла.

Беа Мур, звучит как любовь, но на самом деле она обладает железным характером, скрупулёзной внимательностью и повышенной ответственностью. Со мной непросто, и найти общий язык удалось не сразу. За десять месяцев с момента назначения меня на пост президента одной из дочерних компаний отца, я распрощался, как минимум, с шестью ассистентками. И, конечно, не ради того,

чтобы трахнуть их за стенами офиса.

Они были дурами.

Ни на что не годными, тупыми, несообразительными дурами.

А Беа мне понравилась с первого взгляда, хотя я долго ее мучил, но такой уж у меня характер. Выпускница Гарварда, с высоким средним баллом и отличными характеристиками. Из приличной семьи, без материальных проблем. Уверенная, смелая, воспитанная. Красивая, стильная, энергичная. Мы с ней совпали в многих моментах, и это почувствовалось сразу. Поэтому она так точно предугадывала все мои желания и просьбы заранее.

– Великолепно, – Беатрис любуется своей работой, взгляд ее скользит вдоль линии моего подбородка и скул к губам. Я невольно расплываюсь в чувственной улыбке, когда наши глаза встречаются, и Беа сглатывает. Я вижу, как плавится желание в глубине зеленых глаз. Я тоже возбужден, но держу свои эмоции под контролем. Расслаблюсь позже. Не с ней.

Когда-нибудь, крошка, я позволю тебе воплотить свои фантазии.

Беа никогда не заказывает нам соседние номера во время деловых командировок. А летать нам приходится очень часто. Думаю, что делает она это намеренно, дабы избежать соблазна. Мне совсем не сложно бороться со своими инстинктами, потому что я всегда могу найти себе ту, которая удовлетворит определенные потребности, не смотря на мой выматывающий график. У Беатрис такой прерогативы нет. Она занята мной двадцать четыре часа в сутки. Никакой личной жизни, пока не истечет срок контракта. Вступление в брак – причина увольнения. Я не изверг, просто должность, которую занимает Беатрис требует максимальной отдачи и оплачивается соответственно. Пять лет со мной, и остаток жизни можно не работать, или шагнуть в мир большого бизнеса уже на другом уровне.

– Через сорок минут в зале ресторана. Администратор в курсе. Тебя проводят. Файлы с предложением, презентации и договора у меня, – кратко и по существу перечисляет она. Выдыхает, замечая мой скучающий рассеянный вид.

– Просто не опоздай, – Беатрис улыбается, подавая мне карту-ключ от моих апартаментов. – Не потеряй, как в прошлый раз.

– Я понял, спасибо, – киваю я, вставляя карту в замок.

Захожу внутрь, захлопывая за собой дверь.

Кому-то покажется транжирством снимать на одну ночь номер, площадью сто пятьдесят квадратных метров с бассейном, джакузи на застеклённом от пола до потолка балконе, спорт залом, двумя спальнями и шикарно обставленной гостиной, но для меня в том, что я вижу нет ничего запредельного и роскошного. Я так живу с рождения. Скромность и умеренность для Саадатов понятия незнакомые. Мне долго казались странными замечания руководителя экономического отела относительно необоснованных превышениях лимитов, установленных для представительских расходов. Я – президент, зачем мне экономить на собственном престиже? Разбираться с мотивами претензий, вдаваться в подробности расчета норм и прочей ерунды с цифрами я не стал, а просто заменил руководителя отдела на более толкового и гибкого.

Когда я только занял пост президента одного из подразделений семейной корпорации, меня воспринимали с настороженностью и долей скепсиса. Еще бы – двадцатишестилетний босс, который только закончил университет и всего год стажировался в центральном офисе головной компании. Моим новоиспеченным коллегам казалось, что я пришел, чтобы просто создавать видимость работы, просиживать штаны, красоваться и щипать девчонок в строгих офисных юбках за задницы, как голодный восточный парень. Но после первой же зачистки сомневающихся в моем профессионализме и деловых качествах, тон коллег изменился. Через полгода от иронии и снисходительных улыбок в мой адрес не осталось и следа.

Меня не стали бояться. Я не тиран, который увольняет за то, что кто-то подумал, что его бос – сопляк, который ничего не может сделать сам без подсказки отца. Причины всегда находились, и совершенно другие.

Я заслужил уважение и авторитет своим чётким и серьезным подходом к работе, полной отдачей и бескомпромиссностью в ведении дел, справедливой системой поощрений и наказаний для сотрудников компании. Я не самодур, который строит из себя царя и бога среди простых смертных. Нет. Все сотрудники

работают согласно установленной корпоративной политике. Выполняют инструкции и планы, по результатам которых начисляется вознаграждение. Все очень просто и отработано.

Я выхожу из душа, заворачиваясь в полотенце, когда звонит внутренний телефон.

– Да, – отвечаю, нажимая кнопку громкой связи.

– Тридцать минут, Адам, – строго напоминает Беа об оставшемся времени. Иногда она меня очень сильно раздражает. Кто из нас босс, вообще?

– Я помню, Беатрис.

Подхожу к гардеробному шкафу, распахивая его. Три варианта костюмов для одного делового ужина. Рубашки и галстуки в ассортименте. Беру темно-синий и черную рубашку. Галстук грифельно-серый.

– Помочь с галстуком? – читая мои мысли, спрашивает голос Беатрис, которая все еще на связи.

– Разумеется.

Она заходит через двадцать секунд.

– Ты стояла под дверью? – приподнимая брови, с ироничной улыбкой спрашиваю я. Беа склоняет голову набок, критически рассматривая меня с головы до ног. Костюм я не надел, если что. А полотенце уже снял. В ее глазах прыгают смешинки вперемешку с горячими всполохами.

– Я бы смотрела на это вечно, – с протяжным вздохом, полным сожаления, произносит она. – Но тебе лучше одеться. Что у тебя на вечер?

– На вечер? – уточняю я. – А что у меня на вечер? Это ты должна знать.

Беа смеется, наблюдая, как я воюю с рубашкой, пока застегиваю бесконечный ряд пуговиц. Я скольжу оценивающим взглядом по ее строгому серебристому

платью до колена, обтягивающему ее стройное, выдающееся в определенных местах, тело. Мне нравится такой тип фигуры. Песочные часы. Большая грудь. Аппетитная задница на фоне очень тонкой талии и стройные, длинные ноги. Беа в любом платье выглядела бы сексуально. Я обожаю ее юбки с завышенной талией и разрезами сзади почти до самой задницы. Это невероятно эффектно смотрится, когда я иду следом, а она впереди на шпильках, виляя свой сочной… Нет, стоп. Нужно отвлечься.

– Ты будешь отдыхать или как обычно? – уточняет свой предыдущий вопрос Беатрис, выразительно поднимая брови, заметив, что я пялюсь на ее грудь. С усмешкой, нарочито медленно застёгиваю ширинку и ремень. Она закатывает глаза, отводя взгляд.

– Я так понимаю, что как обычно, – улыбается Беатрис. – На барной стойке каталог элитного агентства. Вип уровень, как ты любишь. Выберешь любую. Скажешь мне ее номер и время.

– Выбери сама. Ты примерно знаешь мой вкус, – чувственно улыбаюсь я, протягивая галстук.

– Слушай, может мне и трахнуть ее за тебя? – немного резко дергая на мне галстук, с сарказмом спрашивает Беатрис.

– Нет. Это я сам, – невозмутимо отвечаю я.

– Готово. Пошли, Ромео, – вздыхает она, и, как мне кажется, снова с сожалением.

– Мне показалось, или ты злишься? Не ревнуй, Беа. Ты главная женщина в моей жизни. Как, кстати, там моя девочка? – спрашиваю я небрежным тоном.

– Ты про двух новеньких стажерок, которых поручил мне в разработку? – уточняет Беатрис. Мы выходим в коридор и направляемся к лифтам. Каблучки мисс Мур монотонно стучат.

– Меня интересует только одна, – сухо отвечаю я.

– Личное? – поворачиваясь, Беатрис бросает на меня внимательный взгляд, вопросительно приподнимая брови. У нее очень милое лицо. Кукольное с губками бантиком.

– Это важно? – резко интересуюсь я. Тон моего голоса обрастает металлическими нотками.

– Нет, сэр, – коротко и уверенно отвечает Беа. Умная девочка. Далее меня ждет подробный отчет по озвученному ранее вопросу.

– Обе девушки проходят обучение. Им выделили квартиру в «Вертикали» недалеко от офиса, как и другим иногородним сотрудникам. Роберт не в курсе твоего специального распоряжения относительно новеньких, и говорил мне, что не очень доволен. Девушки без опыта, и им сложно сразу влиться в корпоративный сегмент компании нашего масштаба. Понятно, что Роберт придирается.

– Соедини меня с ним, – отдаю четкий приказ. Беа вскидывает голову, нажимая кнопку лифта.

– Сейчас?

– Сейчас, – твердо подтверждаю я. Двери закрываются, оставляя нас наедине в зеркальной кабинке лифта. Она переворачивает айфон, вызывая Роберта Блэка по громкой связи.

– Да. Слушаю, – отвечает он почти сразу.

– Роберт, с тобой хочет поговорить Адам. Он рядом.

– Доброе утро, сэр, – интонация мгновенно меняется. Подчёркнуто-официальный тон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/meyer_aleks/tancy-na-steklah

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить